ЕКАТЕРИНА
БОБРОВЕНКО

Ловцы снов

2017

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

За моей спиной фонари и лабиринты следов, уходящих в ночь. Я вижу Сны, которых нет. И людей, которых быть не может. Я преследователь и охотник. Это моя работа, нанимая на которую никто не спросил моего согласия и не подписал со мной договора. Можно сказать, она досталась мне по завещанию. По велению судьбы, чистой случайности или по выбору: смерть или ЭТО. Меня ни о чем не спрашивают. Я делаю то, что должен делать, я не задаю риторических вопросов, потому что давно вызубрил все ответы наизусть.

Но все-таки: что случится, если те, кого я гоню, и я однажды поменяемся местами?..

- Екатерина Бобровенко
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
  - ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
  - ЧАСТЬ ПЯТАЯ
  - ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
  - ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
  - ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
  - ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
  - ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
  - ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Екатерина Бобровенко
Ловцы снов

Посвящается любимому городу.

Внутри себя я всегда где-то рядом…

Любовь — это самое чистое и правильное, что есть в мире…

— Новое Правило.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
«Whispers in the dark»
Антон, Отдел Снов

Все локации моих дежурств похожи одни на другие, и я не понимаю, в чем их смысл, и, наверное, никогда не пойму…

Здание городского Дома Культуры — возвышается над площадью большой квадратной скобкой, обнимая ее по краям… празднично украшенная елка у зимних домиков предновогодней ярмарки… утопленный в низину парк поодаль, освещенный вереницей круглых фонарей, прорезавших ночь лучами неподвижного света… дуга моста, перекинутая через мелководное озеро, где летом часто плавают лодочки с влюбленными парами… ряды магазинных лавочек с горящими яркими огнями витринами… автобусная остановка с занесенным снегом рекламным щитом и толпы запакованных в цветастые куртки и пуховики людей с устало-возбужденными улыбками на лице — несут в охапках праздничные пакеты и коробки с подарками близким…

Я поднимаю глаза, запрокидываясь вверх, так, что едва не ведет в сторону на скользкой тропинке, проложенной вереницами магазинных паломников. Низкое небо, влажным полотном провисшее над головой, кажется напитавшимся вином и вишневым соком. Влажные облака наслоились на него по краям, слившись с крышами серых домов вокруг, а центр багровым шелком загазованного воздуха неподвижно пульсирует в глубине, неуловимо перетекая из одной неразличимой формы в другую.

Оттуда, из самого нутра пронзительного водоворота, беспрерывно сыплется на город мелкая снежная крупа — манные хлопья, размоченные дождем, падающие торопливо и совсем не грациозно.

Белая россыпь сверкающим бисером разлетается на асфальт и мостовые, чтобы, едва укрыв их тонким слоем пудры, растаять, растоптанной, под ногами спешащих прохожих.

А Дворец Культуры в стороне действительно похож сейчас на дворец — или на один из тех сказочных подсвеченных домиков с горящими окнами, которые любят ставить под праздничную елку или вместо украшения для стола. Светомузыка блуждает огнями по освещенными прожекторами фасадам, играясь в подступающей темноте, похожей на бархат, расцветает и меняет оттенок, никак не в состоянии определиться, какой именно должна быть. Рядом,

возле высокого помоста, обозначающего передвижную сцену, уже вовсю идет какая-то оживленно-праздничная возня по подготовке к очередному парадному предновогоднему концерту. Руководитель в ярко-оранжевой куртке беспокойно мечется вокруг, неслышно ругаясь и отсылая всех быстрее укрывать рабочую аппаратуру от дождя.

Группа каких-то активистов, с флажками наперевес и в одинаково красных шарфах и шапках, вопреки погодным условиям, оживленно возится и танцует с детьми под раскидистым праздничным деревом в центре площади. Возле лавок выходной ярмарки, невзирая на вечерний час, кучками собирается, перебегая от навеса к навесу, цветной народ.

В толкотне снег смешивается неразличимой размокшей жижей, но по сторонам от нее, растекаясь по дорожкам и закоулкам более тихих перекрестков, отчетливо видны припорошенные черные отпечатки ботинок.

«Если попробовать разобраться, то путь, наверное, каждого человека в городе можно различить сейчас по оставленным следам. Пока они не растаяли совсем… Если так пойдет и дальше, то к завтрашнему утру город окажется затоплен талой водой. И не спасут даже выпавшие накануне сугробы…»

Я вклеиваюсь в раздумья, словно вишни в сладостную липкую патоку, безучастно петляя протоптанным путем вокруг площади.

Музыка… В воздухе, пропитавшемся детским ожиданием праздника и волшебства, столько сказки, что кажется, будто где-то и в самом деле звенят колокольчики, отбивая переливчато-звонкое и всем известное «Джингл Беллз». Или то музыка у меня в голове…

Внимательно и устало оглядываю разряженные ряды, слегка искаженные бликующими от фонарей и фонариков линзами: наша деятельность обязывает нас носить темные очки в любое время года — Снам нельзя смотреть в глаза, они через них действуют. Остекленевшим взглядом немой игрушки: неподвижным, красноречивым, распахнуто-печальным, наивным. Вот только все это — всего лишь маска. Прикрытие. Можно попасться. Можно поверить. Можно отпустить, и одному Лунному известно, что за дрянь тогда из этого выйдет.

Люди, проходящие мимо, странно косятся в мою сторону и ускоряют шаг. Короткие перчатки с обрезанными пальцами не греют, хоть мне это и не сильно нужно. Ботинки причмокивают и шамкают по разбухшему снегу на тротуаре, мокрые снежинки дождем сыплются под капюшон и налипают на стекла, так, что через какое-то время, идя против ветра, я уже ничего не могу различить за бесформенной растаявшей мутью.

Останавливаюсь, неумело обтирая и елозя ими по глянцевому подолу куртки, чтобы смазать воду, и только тогда, подняв глаза, замечаю Ее…

…Первородные Сновидения несложно отличить в толпе. Застывшие возле фонарных столбов, вывесок и цветастой рекламы фигуры, ловящие на себя скудный свет, смотрящие застывшими глазами вдаль. Люди обтекают их, как вода внезапное препятствие, не сбивая шага, и даже не видят их. Собственно, даже я порой различаю их в полумраке с трудом, хотя тренировался уже два года.

На миг меня снова, как в первый раз, несколько лет назад, охватывает щемящий ужас, заставляющий на мгновение замереть на месте. Сзади кто-то тут же налетает в спину, не заметив вынужденной остановки, и, бурча под нос, резво меняет курс, но я не обращаю внимания на это.

Застывшая возле занесенной пластиковой коробки автобусной остановки фигура в светло-розовом пуховике стоит в двадцати шагах от меня — в задранной, чуть съехавшей набок шапке, по виду со спины — девушка. Не люблю я так. С девушками всегда сложней, сам не знаю, почему.

Площадь окружена проезжими дорогами со всех трех свободных краев, минуя лишь подступы к культурному центру, и, чтобы добраться на сторону набережной и моста, нужно еще какое-то время топтаться возле пешеходного перехода. И все это время, пока иду, топчусь, жду и снова иду, меня гложет изнутри беспричинная боязнь. А еще надежда. Подхожу ближе, в душе все еще зыбко надеясь, что на этот раз повезет и все пройдет спокойно. Так тоже случается. Редко, но все же. Большинство, конечно, не верит ни единому слову, стараясь сбежать, предварительно закатив истерику. Мне их искренне жаль, но в Правилах все продумано пункт по пунктам. И для этого случая.

И обойти их нельзя.

Я смотрю на девушку со стороны, нутром все еще упрямо сомневаясь в собственной правоте: мелкая, едва ли мне по плечо, в вязаной шапке с игривым помпончиком и пухлом светло-розовом пуховике с меховой оторочкой по капюшону. Длинные ресницы в ворсинках налипшего снега, розовые круглые пухлые щеки с румянцем и улыбка до ушей, счастливая. Ловит ртом снежинки, как маленькая, неподвижно глядя на проносящиеся в луче фонаря снежные искрящиеся снежные созвездия.

Она замечает меня, только когда я оказываюсь совсем рядом, тронув ее за плечо. И только тогда я сам замечаю ошибку.

— Простите… — гляжу поверх очков, мгновенно сбрасывая руку. — Обознался…

* * *

…«Досада!..» — бормочу, стараясь как можно быстрее убраться оттуда, в темноту пешеходных дорожек моста и застывшего озера под бетонными арками, где темная вода влажно лижет изнутри подтаявший лед. Бормочу и еще кое-что в добавку, но лучше этого не слышать. Спину преследует ощущение прожигающе открытого и ЖИВОГО взгляда. Странное сочетание для меня, привыкшего к противоположным параллелям. Выводящее из равновесия. Огромные, удивленно-доверчивые, сверкающие чистотой глаза. Я не разглядел даже их цвета, но мне хватило и этого. Взгляд, вынимающий душу, чтобы погладить и вернуть ее на место, ничего не просящий и ничего не требующий взамен. Только открытая, кристальная искренность, разметавшаяся искрящимися лужицами под ресницами.

Не бывает таких людей…

Поднимаю взгляд, только когда сквозь окруживший по сторонам темнотой фиолетовый сумрак становится не видно даже чавкающей серой жижи под ногами. После светящегося подобно гирлянде центра обычные улицы выглядят темными и еще — почему мне так кажется? — недружелюбными. Будто нарочито пустынными и тихими. Только в ушах звенит от усталости и еще — от какого-то странного всплеснувшего внутри коктейля эмоций. Невероятные живые глаза…

Решив медленно закруглять с дежурством (ажурные часы на фонарном столбе у моста показывали до моего ухода без пятнадцати восемь), тихо вклиниваюсь в уже собравшуюся на остановке толпу, ожидающую автобус.

Пластиковый навес жмется на обочине, обдуваемый всеми ветрами, какие только можно найти в округе, а сверху подступают дома, исполосованные светом туманящего бордово-красного неба, источающего снег, дождь и фиолетовый мягкий сумрак. Дома живые и почти игрушечные — светятся окнами, жмутся к друг другу, притираясь боками, все маленькие, разные и аккуратные, как на подбор. На вымеренных, точно по линейке пересекающихся прямых улицах. Я смотрю на них и вдаль, сквозь мутные стенки остановочного коробка, в свете фонаря, огней, рекламного щита и чьих-то блестящих возбужденных глаз.

С разных сторон я слышу отголоски разговоров — некоторые обрывочные фразы, междометия и смешки, не дающие полного представления о диалоге, но позволяющие почувствовать себя его частью: хотя бы просто слушателем, которого никто не замечает. Никто не обращает внимания на меня, а я в свою очередь ниже опускаю голову, разглядывая собственные ботинки. Мне не

хочется никого видеть, но хочется представлять, что многие вокруг счастливы и улыбаются. Я представляю елки, хрустальные искрящиеся игрушки и запах мандаринов, смех и взрывы праздничных хлопушек, и в какой-то момент уже по-настоящему ощущаю себя частью предновогоднего очарования. Это помогает отгородиться от донимающих назойливых мыслей, и, когда к остановке причаливает, шурша шинами, ярко освещенный полузабитый автобус, я уже почти забыл о внезапной встрече, работе и «живом взгляде». Правда ненадолго…

В салоне автобуса — толкотня, возня и все те же приглушенные разговоры. Я утыкаюсь в угол у подтаявшего окна и прикрываю глаза, чтобы хоть ненадолго забыться — ехать еще долго и достаточно далеко. Гоню мысли, одновременно удерживая их образ на периферии сознания. Странная игра в баланс, позволяющая скоротать время. Сбоку мне в плечо упирается разлапистая еловая ветвь, выбившаяся из упаковочной сетки. Какой-то грузный усатый мужчина держит дерево в охапку, и в плотном от дыханий воздухе салона распространяется его соленый острый запах. Какая-то бабушка полудремлет на сиденье рядом, две молодые симпатичные девчонки звонко болтают, уцепившись за поручни на дверях. Ничего необычного…

…Я замечаю его почти случайно, вынырнув из укрывшего теплом сонного оцепенения перед одной из остановок: Первородный Сон, аккуратно причесанный мальчик с застенчиво сдвинутыми плечами и нежным взглядом беззлобного «маменькиного сынка», нескладный полуподросток. В темной куртке защитного цвета, чем-то похожей на утепленную версию ветровки — хрустящей и длинной. Сам — словно загипнотизированный, застывши уставился на светящийся экран планшета в руках стоящего рядом парня. Неподвижный, непонимающий, растерянный.

Оглядывается временами по сторонам, точно встряхиваясь, — беспомощно, просяще и ласково, проблесками живого блестящего взгляда, ловит обрывки чужих, пересекающихся на нем, но мимо него, и снова замирает, почти костенеет, переваривая полученное. Курносый нос с крапинками на самом кончике, темный хохолок на голове и девчачьи загнутые ресницы никак не вяжутся с иступленным выражением неживого лица, когда он застывает на месте, точно вкопанный, пялясь на свет.

Меня снова прошибает озноб, мелкими мурашками скатывающийся по спине, но на этот раз ошибки быть не может. Уж слишком явные признаки.

Автобус тормозит, пробуксовывая по скопившимся внутри остановочного «кармана» снежным навальням. Двери,

дернувшись, начинают медленно, хрустяще, раздвигаться в разные стороны. Люди механически подтягиваются к выходу, флегматичный парень с планшетом стягивает наушники и гасит экран, и это действует как щелчок по клавише воспроизведения.

Мой Сон встряхивается, качнув головой, и оглядывается — в глазах, набравших бледного призрачно-серебристого неестественного сияния, мешается удивленное недоумение. Будто спящего неожиданно встряхнули за плечо, заставляя опомниться. Потом взгляд медленно проясняется, заглатывая свет внутрь себя, и уже ничего больше не напоминает о том, что происходило несколько секунд назад. Но мне все равно становится не по себе.

Толпа, оживленная со звуком тормозов, скапливается у дверей, мимоходом совершая еще кучу лишних движений, так, что образуется небольшая давка. Сон, продолжая бесцельно смотреть перед собой, вклинивается в общий поток, и я едва не теряю его из вида, прежде чем оказываюсь на улице. После разморившего тепла тесных дыханий даже самый слабый холод начинает самозабвенно драть щеки, но я уже не обращаю внимания.

Темный силуэт мелькает в десяти шагах: темная куртка и вжатая в плечи голова, тонкие ноги в темных ботинках. Каждое движение выглядит немного резким, стремительным. Ломаным. Пружинистым и легким. Он совсем еще маленький.

Мне жаль его, хотя жалеть уже поздно.

Сон сворачивает с внешней улицы в какой-то переулок между двумя домами, а я иду за ним.

Крыши здесь практически соприкасаются друг с другом на высоте, оставляя лишь тонкий сине-багровый небесный просвет, и снег надутыми ветром кучками скапливается вдоль однотонных крашеных стен без окон, уходящих вглубь. Шагах в пятнадцати та, что по правую руку от меня, неожиданно обрывается, обнажая взгляду перегороженный коваными воротами внутренний двор-колодец, похожий на квадратную скобку. Внутри него — унылая занесенная будка-сторожка, окна, выходящие во двор, неприветливо холодные и темные, кое-где не хватает стекол (осколочные выбоины щерятся в темноте глубокими провалами, деревянная подъездная дверь болтается на одной петле). Это явный пример одной из многочисленных городских заброшенок, тесно соседствующих с жилыми домами — они обманчивы и коварны: с первого взгляда всегда ожидаешь увидеть во дворах светящиеся теплые окна под шторами и мягкий живой свет, а получаешь только пустоту, пыль и паутину по углам в гулких подъездах. Такие дома неприятны, хотя вполне себе безобидны, но даже несмотря на это, мне не хочется лезть вслед за Сном

внутрь.

Я резко ускоряю шаги.

— Отдел Снов! Просьба пройти за мной для разъяснений!.. — стандартизированная, чопорная, замусоленная до отвращения формулировка, нужная, кажется, лишь для того, чтобы ввести в ступор. Сон оборачивается, резко замирая на месте, а я останавливаюсь в паре шагов. Мне нужна реакция. Я жду его реакции — это первое Правило.

Парень смотрит на меня спокойно и жалостливо, с немой печалью и как будто укором в том, чего я не делал. Я не убивал его — не сбивал на машине и не подталкивал сделать шаг с окостенелой промерзшей крыши, не звал походить по льду проруби и полазать по перекрытиям ветхих заброшенок. Я ничего из этого не делал, но он смотрит так, как будто я во всем виноват. Хотя, кое в чем, пожалуй, действительно буду. В худшем исходе…

…Пронзительно открытый взгляд царапает и бередит душу, но это малая форма того, на что он способен. Сквозь серо-синие квадраты линз я вижу смазанные затемненные контуры его глаз, а он не видит моих вовсе, но создается ощущение, что эти бездонные зрачки просматривают меня насквозь. Я вижу, как Сон покорно делает шаг навстречу, настороженно низко склонив голову.

Нас разделяет еще пара шагов не вытоптанного снега, когда я чувствую резкий рывок в сторону и странный захват, предшествующий молниеносному броску — кажется, несмотря на внешнюю хлипкость, парень все-таки занимался какими-то единоборствами.

Окружающее смазанно смещается перед глазами, я падаю, ощутимо прикладываясь спиной к фасаду дома; очки сбиваются набок и слетают в снег, снежная же крошка горячо колет лицо.

…Я действую быстрее, чем успеваю подумать о потерянных очках, и практически сразу жалею об этом. Брошенный мной из-за спины метательный нож лишь пропарывает мальчишке рукав, не задевая его самого — я не успеваю нормально прицелиться: глаза слезятся.

Его взгляд мгновенно приковывает меня к месту, так и не дав подняться, — странные, пугающе пустые глаза, в которых отражается черной водой ночь, но совсем нет человеческих живых эмоций. Этот взгляд прихватывает прочно, намертво — как железо к магниту, который будет тянуть, даже если ты отвернешься.

Если сможешь хотя бы это сделать.

Я не ожидаю увидеть в глазах паренька ничего, но вижу осмысленность. Странную. Несвойственную Снам осознанность

происходящего.

Большинство из них не помнит даже ближайшие часы до открытия Перехода и реагирует на мое появление так, как среагировал бы любой человек на прицепившегося на улице незнакомца. А этот:

— Я не хотел умирать, понимаешь? — доверительный полушепот и странный затаившийся огонь в бездонных пустых зрачках, в которые лучше не заглядывать добровольно. И отчаянная готовность сопротивляться до последнего. — Я не хотел умирать…

Курносый нос слезливо хмурится и морщится несошедшими веснушками, верхняя губа повторяет движения — Сон практически готов заплакать, хотя не должен.

А я буквально чувствую, как он тянет из меня эмоции, пытаясь насытить ими то, что заполнить уже невозможно. Нервная тянущая судорога, как от больного ноющего зуба, медленно расползается внутри, скапливаясь клочковатыми обрывками в сердце. Если так будет продолжаться и дальше, то он просто выпьет меня до дна, сделав таким же, как сам: безнадежным, беспомощным. Безжизненным. Но сами слова, которые он продолжает повторять, как мантру, царапают изнутри, словно полчища разъяренных котов.

Я. Не. Хотел…

…Огромных усилий стоит заставить собственное тело двигаться. Еще больше — чтобы совершить второй — последний — бросок, приводящий к итогу: Сон бесчувственно валится на снег, как кукла, у которой подрезали нитки. Я почти таким же потрепанным кулем оседаю на припорошенные камни тротуара, уже мало о чем заботясь в этой жизни. Серый снег повсюду: жжется и влажно липнет, пропитывая затхлой копотью одежду, в капюшоне, в ботинках, забившийся за ворот куртки, холодит шею. Но еще больше донимает преследующее, будто отпечатавшееся на изнанке век, пронзительное, ноющее, тоскливо щемящее чувство изможданющей печали, словно впитавшееся в кровь и теперь текущее по сосудам. Перед глазами — сплошная серость, из мира выкачали краски, оставив буро-красную сепию.

Игнорирую распластавшееся между накренившихся домов уже дважды неживое тело и, поднявшись, наконец бреду прочь, проклиная всеми доступными средствами и словами то, что мне приходится делать.

Достаю телефон, не с первого раза попадая рукой в щель кармана, — нужно все-таки отчитаться, — но вместо общего номера Отдела набираю другой, не менее знакомый, но более родной.

«Гер?..» — «Я в штабе. Что-то срочное?» — на меня откуда-то из потусторонней реальности словно тянет запахом ароматного кофе, забытого в чашке на краю рабочего стола. В трубке слышится звонкий перестук пальцев по клавиатуре, а в знакомом голосе — усталость, удовлетворение и полное отсутствие раздраженности. Человек, любящий свою работу. И так уютно все там, что не хочется отвлекать. — «Нет, ничего. Все в полном… порядке» — я слышу паузу и активный дробный перестук. — «Ну вот и хорошо. Удачи!..»

Мерные гудки смешиваются с гулом крови в висках. Так всегда…

* * *

Назад, в объятия родной берлоги, добираюсь, почти не ориентируясь в пространстве. Такси, на которое я раскошелился от всей переполненной усталостью души, как-то незаметно скоро останавливается в знакомом полутемном дворе. А мог ведь набить кассу, прокатив пару кругов по городу — я бы и не заметил…

В нашем городе, по крайней мере, в старой его части, дома тянутся в высоту не больше, чем на четыре — максимум девять — этажей. Мой из первых, он выделяется в округе, хотя подобных ему тут много: многоуровневая крыша, с иногда не слишком логичными перепадами, усеяна надстройками и самопроизвольными конфигурациями неизвестного назначения, выдуманными рачительным архитектором. Вперемешку с ними виден частокол вентиляционных труб и заложенных дымоходов, где весной, среди пыльной копоти, гнездятся чайки. Многие закладки обвалились со временем, и, бывает, в ветреную погоду старые трубы гудят и дрожат в стенах, под стоны и метания угодившего в западню ветра, и весь дом будто вибрирует, колышется в ответ, точно огромных зверь, вздымающий грудную клетку.

…Квартира встречает застоялой затхлостью. Скучно-квадратная спальня с наклонными низкими окнами мансарды кажется мрачной, душной и совсем чужой. У меня нет мебели, кроме кровати и письменного стола, поэтому все углы завалены моим барахлом, расползающимся по периметру стенок. Сами стены когда-то давно — еще до моего переезда — крашены в жизнеутверждающий подбадривающе-умиротворенный салатовый цвет; одна из них — та, что напротив окон, — сплошь уклеена плакатами и изрисованными пометками картами, среди которых

— схема местного метро, бывшая необходимой в первое время.

Коридор — большой буквой «Т», правое ответвление упирается в кухню, где тоже все скромно: светлый гарнитур, стол с угловым диванчиком, гудящий холодильник металлического цвета — не знаю, зачем нужен последний, потому что почти всегда пустой.

Я переодеваюсь в комнате, стаскивая с себя прежнюю одежду — что-то в стирку, что-то — комком в угол, я даже не смотрю, куда. Солнцезащитные очки не треснули, вопреки ожиданиям, но все-таки пострадали при падении: по правому стеклу идет диагональю полукруглая светлая царапина. Ну и ладно. Пусть.

В ванной подтекает душ, тусклая лампочка, давно требовавшая замены, теперь раздражающе помигивает, дробясь светом в кафельной плитке (опять этот салатовый!). Умываюсь холодной водой, пытаясь смыть вместе с ней напряжение в водосток; нарочито все делаю медленно. Размеренно, спокойно — так мне кажется. Во мне усталость сродни той, что в любую минуту готова вылиться неконтролируемой злостью на все и всех, а еще на то, что я делаю… сделал. И на тех — в большей своей части, — кто привел меня ко всему этому. Я знаю, как называется такая апатия, — Опустошение, следствие выпитых эмоций. Все эти термины придуманы как раз для того, чтобы понять причины происходящего и предотвратить возможные неправильные последствия. Я в этих терминах разбираюсь. Но лучше все равно не становится.

…В коридоре переливчато тренькает звонок…

Я вздрагиваю от неожиданности, какой-то момент еще исступленно глядя в сторону двери, потом быстро пересекаю шагами коридор, почти догадываясь и надеясь на то, что это она.

Герда вскакивает в квартиру суетливым вихрем, как только я распахиваю дверь, оббивая о порог комочки снега, налипшие на каблуки, в пушистой, орехового цвета шубке.

— Здравствуй! — вертится в темноте, подставляя холодную раскрасневшуюся щеку под поцелуй — шапку, беленькую кроличью, почему-то протягивает мне, уверенно шагая на кухню, все в тех же сапогах, зная, что разуваться у меня нет смысла. Я иду следом за ней, постепенно приобретая заинтересованность.

…Само появление в квартире Герды выглядит, скорее, как мираж. Она деловито снует вокруг, как ни в чем не бывало, рассыпая в воздухе звенящие осколки снежинок с черных волос, заглядывая в холодильник, ставя чайник, и скоро тесная кухня целиком наполняется теплым домашним гудением, уютом и свистом закипающего пара, а она по-прежнему остается все такой же морозно-холодной. Зимнее имя ей к лицу, в то время как я

совсем не похож на Кая. Ни внешне, ни внутренне.

Я смотрю, подсознательно не сразу отмечая, что гляжу на нее какими-то новыми глазами, замечая привычные черты и вещи будто в первый раз. И, как и в первый раз, удивляюсь им.

Черные волосы жесткой копной, только кончики будто склеены в отдельные прядки, отчего Герда часто не может расчесать их до конца. Черные платья с рукавами-фонариками в любую погоду и высокие сапоги на гигантском тонком каблуке (как она в них только ходит?!). Ярко-алые тонкие губы, в которых сосредотачивается большая часть ее эмоций и мимики, по-кошачьи кокетливо щурящиеся глаза и голос с легкой картавинкой, которая, судя по закатанным глазам Герды при малейшем упоминании об этом, ее только портит, а меня… А меня заводит, если честно…

Звонкие каблучки отбивают приглушенную дробь о пыльный линолеум в крошках; она заглядывает в снова пустой холодильник, возвращается к раковине, ища приличные чистые чашки, которых нет, снова разворачивается к плите, где утробно бубнит кипятящийся чайник. Герда — информатор-статистик, практически не вылезающий из штаба и, в отличие от меня, хотя бы знающий, как он выглядит (ну это она утрирует, конечно).

— Что у тебя случилось? — походя, засыпая заварку в отыскавшиеся пыльные кружки, но все равно настороженно и с тем самым затаенным азартом и рвением, с которым приверженцы ее профессии привыкли собирать факты по кусочкам. Я удивляюсь ее проницательности, хотя не должен, и поэтому подавленно молчу, следя за движениями ее рук: узкие ладони с тонкими длинными пальцами, узкие запястья, как и положено девушке, круглые ногти, покрытые лаком (еще одно пятно ярко-алого).

Обычно я не задумываюсь над тем, о чем в принципе сложно даже предположить. Я просто делаю то, что нужно. И не делаю того, к чему приказа не поступало. Герда очень хорошо знает это — за два года она неплохо изучила меня, отмерив и записав в собственную мысленную статистику все, подмеченное во мне ее проницательностью. Но именно с подобным моим упрямством и нежеланием над чем-либо серьезно задумываться она по-прежнему несогласна (Хотя сама же лично учила работать по общим правилам. Парадоксально.)

Но сегодня я, вопреки самому себе, все делаю по-другому…

«В разных трактовках сновидения могут рассматриваться как осознанные воспоминания и эпизоды из прошлых жизней, а также своего рода подготовку к переходу в мир Иной, в просторечии и среди людей именуемому как „смерть“» — цэ: Книга Сновидений.

Раздел два, страница восемьдесят шестая. Начальный инструктаж каждого попадающего в Отдел. И две тысячи ссылок по запросу на Яндексе… Не конкретно этого — но информация все же просачивается, как вода, в Сеть. Конечно, для контроля этого тоже есть свой Отдел. Который, кажется, немного не дорабатывает.

…А я так ничего и не понимаю до конца. Только до этого момента почему-то не обращал внимания.

Усопшие… Уснувшие… Сны…

Я понятия не имею, чьей больной фантазией умершие были опущены до банальных «сновидений», но размышлять о них именно этим словом кажется легче. Еще легче, чем вообще не думать. Может, на это был сделан расчёт в выборе терминологии? На таких прожженных упрямцев, как я?..

— Скажи, Гер, то, что происходит со Снами после, хоть немного похоже на настоящую жизнь? Смысл тогда всего этого, если да?

Прерывая возобновившийся непринужденный щебет о каких-то особо важных новостях, Герда неестественно замирает, останавливаясь в шаге от стола, и, накручивая завиток волос на палец, отстраненно прикусывает уголок губы. Она не любит эту тему. Инструктаж — не для нее. Герде нужны графики, карты, схемы и столбчатые диаграммы, в которые она окунется как в собственную стихию. Именно поэтому она сначала была недовольна, когда Лунный навесил на нее мое обучение.

— Нет, — задумчивый голос, как россыпь снежинок в безветренном пространстве. Танцуют в воздухе, плавно оседая на стол блестящими гранями. — Но именно это является ключевым моментом. Помнишь теорию перерождений? Закон Чистоты и Права?.. А они этого и не знают. И не понимают ничего, верно? Вот для этого и нужны мы.

Она говорит «мы», хотя в нашей деятельности нет ничего общего. Абсолютно. Но Гера всегда так говорит. И это греет мне душу.

— А такие радикальные меры? — я жду ответного вопроса, но она ничего не спрашивает, будто интуитивно понимая, о чем я.

— Не мы решаем… Ты сообщил? — проницательность высшего уровня вместо ожидаемого сочувствия. Я виновато молчу, уперев взгляд в подтянутые на диванчик колени.

— Сообщи ты, Гер. Прошу…

— …Ладно.

Не знаю, что она услышала в моем голосе, но сейчас мне определенно не очень хорошо, чтобы разговаривать об этом. Деловито-обреченным жестом она вытаскивает из кармана

мобильник и идет в другую комнату, по дороге бросая мне, все еще неподвижно пялящемуся в нетронутую кружку чая:

— Все будет в порядке, Антон. Наладится.

Когда она исчезает в коридоре, я все еще сижу, перекатывая слова на языке.

Нормально… Хорошо… Все будет хорошо, я попытаюсь это устроить.

Меня зовут Антон Крайности, и я — Ловец Снов…

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
«The last night»
Дина, незнакомка

Есть вещи, делать которые в самый последний момент — все равно что совершать преступление. И выбор подарков на Новый год для близких вполне относится к этому списку…

Я не помню — и уже, наверное, не вспомню никогда, потому что тот вечер выбил из меня напрочь все пустые мысли, — с чем я завертелась в последние дни (ладно, недели) перед праздником, вспомнив о нем лишь вечером двадцать пятого числа, и схватилась было за голову, ругая свою забывчивость. Одарить, кроме семьи — весьма обширной, между прочим, — предстояло еще и таких же немалочисленных друзей, причем подарок хотелось купить не а бы какой, а тот, который бы точно понравился. Собрав наконец мысли в кучу, я попыталась рассудить здраво, подсунув тщательно составленный «опросник» всем предполагаемым «жертвам» моей щедрости, чтобы потом, не ломая многострадальную голову лишними раздумьями, оправиться в увлекательное турне по праздничным магазинным рядам.

Вот и «доотправлялась»…

* * *

Если меня спросят, люблю ли я свой город, то я без сомнений отвечу «да», даже не поинтересовавшись, почему был задан вопрос…

Ночные улицы казались похожими на россыпь сверкающих звездных бриллиантов, затканных влажной облачной ватой. Снег частой рябью мельтешил в свете разноцветных огней, опадая на мощеные тротуары подтаявшими кляксами — еще пару дней назад он выпал внезапно и разом, в одночасье укрыв весь город чистым одеялом, а теперь подмок и осел, хотя, действительно, это его нисколько не портило.

Торжественная площадь перед Дворцом Культуры расходилась по сторонам освещенными, сияющими в огнях переулками, похожими на тянущиеся по бокам тонкие лучики, и, окруженная проездами и центральной дорогой, медленно перетекала к набережной, просматриваемая со всех ракурсов.

Будто качаясь на краю.

А в стороне, под светом топорщившихся на мосту усиков-фонарей, укрывался сугробами застывший на зиму пустынный парк, окаймлявший вытянувшееся полосой спящее водохранилище, сливающимся вдали с небом — синим, фиолетовым и красным, в облаках, пропитавшихся рубинами. И вокруг, везде, куда хватало взгляда, — только снег-снег-снег. Клочками, обрывками, сугробами, снежинками, кляксами, кучками и разводами.

Искрящийся. Серебристый и серый, мелькающий в сиянии фонарей, точно плотное вязание шерстяного платка, укрывающего плечи. Сыплющийся фонтаном мягких брызг, блестящий резными гранями.

Снег влажными ватными шариками оседал на куртку, оставляя на ткани мелкие расползающиеся набухающие капли. Быстро мелькающие в луче фонарного света хлопья сливались танцующим радостным вихрем, вовлекая в свою кружащую карусель и завораживая, а подтаявшие сугробы вдоль дороги и перил моста казались большими комками сырого липкого теста, покрытого корочкой.

Снег есть самое прекрасное, что только можно придумать в мире. А когда он укрывает шапкой наши сказочные, маленькие, будто декоративные и игрушечные разноцветные дома, то становится по-настоящему волшебно и сказочно…

…Кто-то тяжело дотронулся до моего плеча, заставляя невольно обернуться:

«Отдел Снов…» — странная фраза, на которую я вначале почему-то не обратила внимания, растаяла на полуслове, так и не упав в прохладный влажный воздух. Я подняла глаза, глядя снизу вверх на подошедшего незнакомца, замерев, как еще совсем недавно неподвижно стояла в луче фонаря, глядя на снег.

Голос. Низкий, бархатный, как замша. Такие же мягкие, «пушистые», темно-серые глаза цвета асфальта под внимательными бровями, впалые щеки с едва заметными следами дневной щетины, косматая темная челка, нос слегка картошкой. На его кончике — съехавшие темные очки с непроницаемыми стеклами.

Последнее удивило больше всего: «Зимой? Вечером? Очки?..»

Я растерянно — и испуганно — заморгала, превращая налипшие на ресницы снежинки в воду.

Он продолжал неотрывно смотреть мне в лицо еще несколько секунд, словно стараясь запомнить, потом неожиданно резко отпрянул, будто отшатнулся.

— Простите… — незнакомец еще раз взглянул на меня

поверх стекол, как мне показалось, многозначительно, и стремительно, не говоря больше ни слова, зашагал вдоль парапета моста, чмокая ботинками по раскисшему снегу. А я почему-то еще некоторое время продолжала неотрывно, оторопевши глядеть ему вслед.

Странный… И в манере поведения, и в одежде.

Вместо теплой обуви на ногах не то легкие ботинки, не то кеды с высокой шнуровкой, серые концы которой обмотаны вокруг щиколоток и воткнуты за «язычок». За спиной — безразмерный широкий капюшон явно не из одного слоя ткани и с подворотами: топорщится на худых плечах, покрывая их почти полностью. Сами плечи — явно насильно втиснуты в странную легкую куртку, с первого взгляда кажущуюся наоборот — слишком широкой. Затасканные джинсы, словно натертые песком до желтизны и ворсистости. Заплатки на локтях и вставки из другой ткани по бокам и на коленях — прием, которым пользуются, чтобы расшить ставшую маленькой одежду. Или сделать карманы. Чудной какой-то…

* * *

То, что время не идет, а летит вместе со снегом, незримо падающим под ноги, я поняла, проносившись по магазинным рядам и палаткам три с лишним часа, на бегу лавируя среди толпы таких же «забывчивых». И за все это время, пока ходила, искала, выбирала, стояла в очередях и снова ходила-искала-покупала, мысль о странной встрече со странным парнем как-то сама собой выпорхнула из головы. Или, точнее, задвинулась куда-то в самую глубину памяти, перестав волновать и интересовать, и взамен тревожности и суетливому беспокойству пришла какая-то усталая, но счастливая удовлетворенность собой и своим не зря потраченным временем. Только теперь, нагрузившись сумками и вынырнув наконец из предпраздничной и тоже, как мне казалось, счастливой круговерти, я хотела только одного: добраться наконец до дома. И побыстрее…

…Если в остальном городе улицы именуются названиями, но на нашей части они, по-видимому, закончились. В нашем районе дома стоят словно по линеечке, обрезанные часто односторонними проездами на одинаковые прямые полоски, обозначенные номерами и называющиеся «линиями».

Въезжая сюда из гулкого, новоотстроенного центра, сразу начинаешь всеми порами кожи чувствовать старину и памятность, вдыхать ее легкими, осаждая внутри душистой пыльной копотью

заложенных дымоходов и печных труб, в которых гнездятся каждую весну птицы. Разноцветные фасады с затертой лепниной, витые барельефы и высокие аркады окон, балкончики с декоративной гипсовой колоннадой перил.

Каждый дом здесь выглядит по-своему, аккуратно и ажурно, в изящном барочном стиле, со всеми этими портиками, фронтонами, пилястрами и шпилями на многоуровневых крышах. А среди них: серые дворы-колодцы, к каждому из которых обычно ведет два или три пути, и все они — обходные; дымящие сумраком и сыростью темные сводчатые подъезды; въевшаяся за долгие годы в штукатурку речная влага и соль, и крики чаек с гудками теплоходов ранним утром; мощеные узкие улочки, кривляющиеся между домами, и длинная светлая набережная, изрезанная полудугами перекидных мостов с бронзовыми львами.

Я люблю свой город — это чистая правда…

…Автобус притормозил на углу дома, где, чуть в стороне от основной дороги, сияло желтой гирляндой окон уже закрывшееся на ночь кафе, освещая мерцающими неровными лучами кучки снега, наметенные под стеклом, и ломаную змею промерзшего водостока, спускающуюся откуда-то с крыши. На всем в двух метрах вокруг стелился оранжевый дробленый отсвет, и асфальт, поделенный вдоль разделительными непрерывными полосами, казался похожим на золотистую крошку под ногами, застывшую под влажной блестящей изморосью.

Автобус скинул меня — одну, хотя в салоне еще было несколько таких же запоздавших домой человек, — подождал, пока я вместе с охапкой пухлых пакетов не выберусь наружу, и снова тихо и почти бесшумно отчалил от остановки, мерно хрустя и пробуксовывая колесами в снежной мятой колее.

Все это время, пока ехала от площади, я еще ощущала внутри эйфорически взвитое пружинистое оживление, вызванное общей атмосферой украшенного центра и его мелодичной праздничной музыкой, и разноцветными огнями, сияющими в вихре снега, но, выйдя на остановке из полупустого автобуса, почувствовала, что оно начинает ослабевать, и мысли вернулись к прежним накатанным рельсам. Даже еще не мысли — слабые ощущения, словно что-то говорившие внутри, но я еще не могла разобрать, что именно.

Я постояла немного, одергивая шапку и пытаясь одновременно подтянуть капюшон, не ставя пакеты на землю. Покачавшись на покатом поребрике возле занесенной метелью клумбы с подвязанным деревцем, украшающим летом набережную своей зеленью, и подхватив покупки поудобнее, быстро перебежала дорогу, пару раз глянув по сторонам, чтобы

убедиться, что все спокойно.

Машин не было.

Ни на проезжей части, ни на обочине, припаркованных на ночь к тротуарным бортикам. Только чуть в стороне, на углу соседнего дома, где основная «линия» смыкалась с ответвляющимся от нее узким переулком, стоял, словно забытый, одинокий синий микроавтобус с темными фарами. Почему-то я не обратила на него особого внимания, проскочив в праздном оживлении мимо, — посмотрела и забыла, и номер показался каким-то «нечитабельным», абсолютно не запоминающимся, точно нарочно так придумали.

Прохладный влажный ветер, пришедший с реки и, как всегда, привычно и слабо отдающий солью, растрепал мех капюшона, прошелестел боками пакетов, подминая их с тихим хрустом, и заскользил по улице вдоль, заглядывая в выдающиеся над тротуаром полукруглые подвальные оконца. И под его свистящий аккомпанемент я уверенно свернула за угол, надеясь сократить путь между домами.

…В переулке слышались голоса. Какое-то неритмичное бормотание без слов, скрадываемое ветром и хрустом чуть затвердевшего под ночь снега на дороге.

Я резко остановилась, прижимаясь спиной к бежевой стене дома, и на миг замерла, прислушиваясь к доносившимся звукам. Почему-то само возможное присутствие кого-то на темной улице вечером меня уже настораживало, если не сказать «пугало». И сами слова, все-таки доносившиеся из-за угла отрывками, точнее, их интонации показались на мгновение какими-то странными. И мучительно на что-то похожими, только я никак не могла вспомнить, на что…

— …Куда его, в Отдел? Или сразу, напрямую?.. — поинтересовался нетерпеливый, чуть резкий мужской молодой голос — слыша такой, всегда непроизвольно представляешь, как кто-то нервно переминается с ноги на ногу, не находя себе места.

— Если по нарушению Правил, и… дважды. Нечастый случай. Оформить нужно… Учись, сынок!.. — грубовато-низкие басовитые перекаты со смешком и наставнически-поучительными нотками.

Мне не понравился ни этот, ни первый, но деться больше было некуда — ответвление переулка выходило как раз на ту линию, по которой мне нужно было пройти до дома, и обойти стороной не получилось бы никак. Как и не получилось бы пройти мимо незамеченной.

Я прижалась спиной к стене дома, надеясь, что незваные попутчики скоро уйдут — когда-то же они точно должны уйти отсюда, и, судя по нетерпеливости первого, скоро, — и только

теперь, опустив глаза вниз, заметила, что на занесенной снегом улице, кроме моих, нет ни одного человеческого следа, ни единого отпечатка ботинка, словно все вымерло. Но эти, эти-то двое как-то должны были сюда пройти?!.

Я почувствовала, как меня начал охватывать страх — беспричинный, но такой осознанный и ясный, словно что-то происходило — уже произошло — прямо здесь, сейчас, не давая покоя. Нужно было убираться — и лучше побыстрее. Домой…

Я на цыпочках подкралась ближе, останавливаясь у самого входа в глубокий переулок, чтобы наконец набраться смелости проскочить мимо, и осторожно, краем глаза, заглянула внутрь, изо всей силы вжимаясь щекой в холодную каменную кладку стены.

В узком сквозном проеме между двумя домами, ведущим во внутренний темный двор, едва ли хватало места, чтобы разминуться двоим. Под тесным просветом крыш, соприкасавшихся почти вплотную друг с другом, в куцем фонарном свете с улицы, полунаклонившись, стоял человек. Грузный, широкоплечий «детина» с кудрявостью в смолистых черных волосах и в необъятных размеров пуховике занимал чуть ли не все пространство поперек прохода, почти полностью загораживая собой второго — на вид, молодого парня в шерстяном светлом пальто и смешной, абсолютно не вяжущейся с ним вязаной пестрой шапке с подвязанными на веревочках «ушами». Тот, второй, все время держал замерзшие руки в карманах, оттягивая их вниз, и нетерпеливо и чуть нервно почесывал ногу мыском другого ботинка. А за их спинами, полусмазанные в темноте и присыпанные снежной кашей, виднелись очертания чего-то большого, безвольно распластавшегося на земле.

Я зажала себе рот руками, стараясь не закричать.

— Подхватывай давай, потащили! — произнес нетерпеливый, еще раньше, чем до меня окончательно дошел весь смысл происходящего.

Произошедшего.

Оба, кряхтя и бурча что-то под нос, тяжело подхватили тело с земли, пытаясь поудобнее взвалить себе на плечи. Освещения фонарей на улице было слишком мало, чтобы чего-либо разглядеть, но в синеватом выцветающем сумраке, превращающемся в паре шагов в сторону в чернильно-красную ночь, я все равно с ужасом заметила темное круглое пятно, расползавшееся по ткани куртки на груди того, кто еще полминуты назад растрепанной куклой лежал у них под ногами. И что-то металлическое, тошнотно-блестящее, торчащее из

самого центра багровой лужи, и видела, в каком-то замедленном окаменевшем ступоре, как светлые искрящиеся снежинки, сыплющиеся с неба в просвете между выступами крыш, падали сверху, мгновенно смешиваясь с кровью, заляпавшей разводами металлическую рукоять. Придававшие ей еще больше влажного, холодного, мертвого блеска.

— Повезло, что никто не заметил его раньше, — с каким-то оскалом, удовлетворенно-устало произнес молодой человек. — Хотя, если бы и был кто-то, то, можно сказать, сейчас было бы уже некому…

— Иди уже давай, разговорился! Как будто в первый раз, честное слово!..

Это фраза подействовала на меня, как щелчок, восстанавливающий время.

Почувствовав, что наконец отмерла, я опрометью кинулась прочь, назад, к дороге, лишь бы оказаться подальше от этих страшных людей и страшного переулка, подальше от всего и всех. Домой, любыми окольными путями, к теплому свету ламп и мыслям о празднике, которые теперь уже точно не смогут быть прежними и радостными. Без этой нереальной, искажающей их, жуткой всплывающей перед глазами картины красных снежинок, оседающих на холодную кожу.

Снег и холод в воздухе резали дыхание, забиваясь в легкие, и я почти ничего не слышала, кроме скачущего, разрывающегося под курткой, жутко аритмичного боя собственного сердца. Как и не услышала, выскочив без оглядки на пешеходный переход, влажного скрипа пробуксовывающих в снежной массе колес и протяжного резкого скрипа несрабатывающих тормозов.

И почувствовала удар, видя в замедляющихся кадрах, словно со стороны, как тело резко откидывает в сторону и на обочину, а перед темнеющими глазами встает белая хрустящая размокшая пелена.

Снег есть самое ужасное, что только можно придумать в мире…

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
«Monster»
Антон, несколько дней спустя

Ночью мне снился взгляд.

Чей-то незнакомый, но угаданный именно мною.

Открытый, светлый — и слишком острый, прошивающий насквозь, словно самая тонкая в мире игла, всегда попадающая непременно в сердце. И оттого, наверное, постоянно немного неловкий и печальный в своей глубине, какую бы улыбку ни пытались натянуть на лицо губы.

Взгляд, проникающей пронзительной чистотой в душу, потому что нельзя — невозможно ему, такому прозрачному, кристальному и хрупкому — деться куда-то еще, кроме нее, быть брошенным и растоптанным под ногами жестоких прохожих, отвергающих его как лишний — и ненужный — дар. Этот взгляд был опасен — своей прямой, подставляющейся под лицо беззащитностью и надеждой, ловя которые, сам себе кажешься грязным и черствым. Но не находишь на это ни насмешки, ни укора — лишь сочувствие и сострадание.

И такое доверие и любовь к миру, что невозможно вместить их в простой человеческой душе, не хватит в ней места, переполнится, заливаясь через край. Заставляя утонуть в нем, забывшись, без следа, потерять себя и найти кого-то другого, измененного раз и навсегда.

Живой взгляд, так похожий на мертвый, — с одной лишь только оговоркой: теперь я буду видеть его перед собой всегда. И не помогут никакие очки…

* * *

Двадцать девятое декабря еще с самого утра стало днем начала всегородского праздничного апогея: только выйдя из дома на улицу, я уже сразу оказываюсь с ног до головы осыпанным разноцветными бумажными конфетти и перламутровыми лентами фольги из каких-то хлопушек. В центральном районе, на площади, было днем какое-то мероприятие — то ли шествие, то ли концерт (почему-то сразу вспомнилась установленная там несколько дней назад передвижная сцена), а то и все вместе, — растянувшееся на соседние улицы и еще дальше. Кажется, до

бесконечности. Или просто те, кто все-таки не принимал участия в торжестве, успели за несколько часов перенять праздничный «вирус» от опьяненной ликованием толпы.

Именно на такую толпу-компанию я и натыкаюсь, практически с налету, только выйдя из-за ворот двора на еще более ожившую к вечеру улицу. Все в ярких разноцветных шарфах самых диких и пестрящих оттенков, с какими-то лохматыми помпонами в руках и рассыпающими искры палочками желтых бенгальских огней. Идут вдоль улицы, не замечая никого и ничего вокруг и оставляя за собой в воздухе звонкий смех и ошметки опадающей мишуры.

Только какая-то розовощекая полненькая девчушка в красной, мигающей встроенными огоньками шапке Санты, улыбаясь, вдруг вприпрыжку подскакивает ближе, вертлявая как заводная юла, и сует мне в руки елочную игрушку-подвеску — фигурку оленя папье-маше, обсыпанную серебряными блестками. Еще раньше, чем я догадываюсь что-либо сказать. А когда наконец соображаю, в чем дело, она оказывается уже на другой стороне улицы, присоединившись к своей цветастой шумной компании.

А я не успеваю ее даже поблагодарить.

Как и не успеваю сказать, что елки, на которую эту безделушку можно было бы повесить, у меня тоже нет.

Зачем вообще сегодня вышел на улицу?..

У меня было плохое расположение духа с самого утра, если так вообще можно было выразиться. Если этим можно было емко и однозначно передать всю ту странную, тяжелую сумбурность, взвесью оседающую в душе. И гораздо больше всего прочего меня привлекала возможность поваляться сегодня без дела дома. Может даже своеобразно поддаться всеобщему настроению и ради грядущего праздника разобрать весь скопившийся по углам старый хлам, спустив половину в мусорный бак у подъезда прямо из раскрытого окна.

Но именно сегодня Гере, внезапно обеспокоившейся моим душевным состоянием в общем и тем фактом, что из дома я выбирался за последние дни только на дежурства, пришло в голову вытащить меня в кино — развеяться. Дело, в принципе, хорошее. Только для начала нужно еще встретить ее «с работы»…

…Мы с Гердой — не пара.

По крайней мере, в прямом смысле этого слова, хотя со стороны, в особенности коллегами по Отделам, это всегда ставится под большое сомнение. В самом начале — почти два года назад — я был передан ей под присмотр и обучение, получив предварительно вводный инструктаж и основные «напутствия».

Потом обнаружились, помимо работы, еще и общие интересы и симпатии. А еще чуть позже в моей комнате появилась стопка ее вещей, плотно обосновавшаяся внутри телевизионной тумбочки. И пусть мы довольно часто ходим куда-то вместе, а иногда Гера даже остается у меня ночевать (если на улице слишком темно и поздно, а идти все-таки далеко), оккупируя раскладное кресло в кухне, все же парой нас назвать можно весьма натянуто и уж точно при большой фантазии.

Хотя мне, если честно, иногда этого хочется. И еще, бывает, кажется, что иногда этого хочется и ей…

…Не знаю, что на меня действует больше — ожидание скорой встречи или мерцающе-таинственная атмосфера соединяющихся друг с другом, как перекладины, улиц, но вскоре настроение, вопреки моим самым точным ожиданиям, неожиданно начинает проясняться, и к торговому комплексу я подхожу уже с почти улыбкой на лице, загребая дорожные сугробы мысками ботинок.

Снег выпал ночью — обильной густой пеленой, — засыпав крупой, хлопьями и пухом все окружающие улицы и мои наклонные мансардные окна, затемнив спальню под плотным покровом и завалив сам город практически «месячной нормой осадков», как передавали по новостям. И с самого утра под домами — среди проспектов, улиц, аллей и переулков — слышался незатихающий гул и шум снегоуборочных машин, вышедших разгребать нежданные — и незваные — завалы. А мне снег нравится — он приятный и холодный, хотя самого холода я практически не ощущаю (еще одна дань полученным способностям), он не засоряет город — наоборот, просто делает его на мгновения безвинно чистым, свежим и помолодевшим, укрывая под собой.

Мне говорили, мы всегда неосознанно тянемся к чистоте.

Это почти тоже наше Правило.

Торговый центр — с внешней стороны непримечательный длинный короб вытянувшегося здания — внутри похож если не на отдельный мир, то на целый отдельный микрорайон: шестиэтажная махина, наслоенная над головой и расходящаяся во все стороны переплетением улиц-аллей, повсюду рябит от светящейся, всплывающей, качающейся и мигающей рекламы на витринах, стенах и вывесках. В центре — словно выеденная дыра в пироге, образованная круглыми пустотами на каждом этаже; куполообразный прозрачный потолок перевернутой тарелкой накрывает крышу, и снизу к нему подвешен огромных размеров зеленый рождественский венок, обмотанный лентами и мерцающими огнями.

А под ним, словно мишень из детской игры, на которую

следует забросить кольцо, возвышается в попытке дотянуться к самому потолку исполинское светящееся конусоподобное дерево в огромных шарах, гирляндах и целых композициях из игрушек, но помимо общих атрибутов украшенное еще и плоскими светящимися в такт фигурками, звездами и полумесяцами, от которых рябит в глазах. Разноцветные золотые, розовые и серебристые гирлянды лучами расходятся под балками потолка, сплетаясь единой сетью, и оплетают поддерживающие балконы колонны, дробясь миганием лампочек в стеклянных витринах. Труба лифта, покрытая точно такой же сетью, практически непрерывно гоняет по этажам прозрачную кабинку, распределяя поток посетителей, доходит ели почти до макушки и снова плавно стекает к первому этажу и подвальной автостоянке. И так до бесконечности, что надоедает смотреть.

Я хорошо помню Информационный Отдел (точнее, только филиал оного, обустроенный здесь и заведующий делами этого района города): странное место, так же странно затаившееся на задворках служебных помещений торговой площадки, в стороне от бессчетных магазинных аллей. Более нелепого расположения с точки зрения логики придумать было сложно, но Сны, как показывает опыт, всегда тянутся именно к оживленным местам, и лучше собирать информацию, имея к ней непосредственный близкий доступ и такое же непосредственное ее подтверждение.

Мне почему-то кажется, что здесь непременно есть сейчас кто-нибудь из «наших» — то ли простое ощущение, то ли предчувствие, то ли профессиональная привычка отыскивать в толпе взглядом, — но я ловлю себя на мысли, что все время высматриваю кого-то среди пестрых голов, плеч, спин и курток.

Когда мне уже чудится, что я на самом деле вижу в снующей толпе на другой стороне аллеи знакомый силуэт, то по инерции пытаюсь снова поймать его взглядом, щурясь на свет от постоянной привычки ходить в отражающих очках, и почти сразу же меня, как молнией в спину или неожиданным ударом, прошивает странное чувство дежавю…

…Она стоит в стороне, у стыка магазинных витрин, минуя основное течение покупателей, проходящих рядом, точно рыбий косяк. Рассматривает сквозь отполированное стекло сверкающие разноцветные игрушки, каскадом навешенные на елку, так, что почти не видно зеленых веток. Смешно вытягивается на цыпочках, сосредоточенно переводя указательный палец с одной на другую, мысленно пересчитывая. С моего места не видно, шевелит ли она неслышно губами, проговаривая слова, но само занятие девушки кажется мне забавным — и каким-то непривычным, до щемящей сердце нежности милым, — и я не могу просто так отвести

взгляд.

На пару секунд меня охватывает странное оцепенение и смешанное, опасливое желание то ли попытаться подойти к ней, то ли кинуться прочь, чтобы снова не поймать на себе тот неправильный, так не похожий на все виденные мною доверчивый бесхитростный взгляд, словно протягивающий тебе душу на раскрытой ладони. Я знаю, какая-то часть моего подсознания все это время, с момента того странного, напрочь выбивающего из колеи вечера, продолжала думать о ней, несмотря на все мои отговорки.

Несмотря на то, что я упрямо уговаривал себя, что НЕ МОГУ о ней думать.

Я смотрю на девушку и вдаль, продираясь взглядом через все капюшоны, шапки, шарфы и плечи курток, мельтешащие между нами в отражении каких-то собственных, еще оставшихся до наступления нового года забот.

Точно она: та же шапочка серого цвета с заломленным набок кончиком с помпоном, та же пухлая розовая куртка, простроченная на рукавах узором, и мелкая девчонка с мокрыми от снежинок русыми волосами — в ней. Я почти вижу в отражении витрины ее встревоженно-радостный взгляд, хотя это и невозможно. Но даже воспоминание о нем продолжает тянуть меня сделать шаг навстречу.

Похожий взгляд я видел до этого лишь однажды, и он до сих пор, спустя столько времени, продолжает преследовать, не давая покоя.

Именно с него все и началось.

Из секундного оцепенения меня вырывает нервная вибрация и приглушенные гудки мобильника в кармане. Дотягиваюсь до верещащей коробочки, не глядя на экран, но краем глаза все равно замечаю там всплывшее светящееся имя из четырех букв над помигивающим и слишком знакомым и привычным номером, которые набираю обычно почти машинально.

Но сейчас ответный звонок кажется почему-то до боли несвоевременным. Как будто потеряю драгоценные минуты, упустив что-то из виду. Или в прямом смысле упустив.

Мысленно извинившись перед Герой за намечающееся опоздание, с тяжелым сердцем сбрасываю входящий вызов, так и не ответив, и начинаю аккуратно лавировать в потоке, стараясь никого ненароком не задеть и не толкнуть и уворачиваясь сам.

Незнакомка внезапно настораживается, по-птичьи вытягивая тонкую шею под размотанным серым шарфом, накинутым сверху — на круглых щеках розоватый румянец, а куртка застегнута на все пуговицы, будто она только что с улицы или же наоборот —

зашла ненадолго и уже собирается уходить.

Последние опасные сомнения оправдывают себя в жизни, когда я вижу, как она, будто приметив что-то или кого-то вдалеке, привстает на цыпочках, высматривая, а потом решительно движется в сторону выхода, все ускоряя шаги.

Мне уже становится неинтересно, кого девушка увидела в толпе — чертыхаясь на ходу, я почти бегом протискиваюсь в ту же сторону, зигзагами и прыжками огибая идущих противоходом мне навстречу.

Как же легко она виляет в толпе!..

Когда я пролетаю на одном дыхании через откидную дверь, проигнорировав медленно плетущуюся рядом по кругу «вертушку», то вижу ее на улице уже метрах в пятидесяти от входа: машет кому-то шапкой вдалеке, стараясь привлечь внимание, слегка по-смешному подпрыгивает на месте.

Но не добивается никакого результата и останавливается.

Я оборачиваюсь в ту же сторону, но не понимаю, кого она все это время зовет: народ на улице разный, и его достаточно или даже слишком много, чтобы можно было угадать наверняка.

Снег падает густыми взбитыми хлопьями, медленно и настолько густо, что скрывает за собой видимость уже метрах в пятнадцати, смазывая ее в молочный кисель, так, что кажется, будто даль, скрывшая за собой городские крыши, дороги и улицы, покрыта болотистым непроглядным туманом. Небо выглядит низким, плотным и валяным, точно шерстяное колючее одеяло, и где-то в центре его, за пределами доступной взгляду высоты, все продолжают набухать новыми тяжелыми комками облака.

Девушка еще какое-то время — может, всего пару секунд, — задумчиво и нерешительно покачивается в ботинках, глядя вдаль, и затем, сквозь снежную мельтешащую завесу, точно в ряби, торопливыми шагами удаляется от торгового комплекса.

Снег летит навстречу и в лицо, заметаясь в глаза, потому что привычные очки сейчас у меня в кармане, и я накидываю капюшон, чтобы не замочить голову, — с какого-то момента я перестал носить шапки, поняв, так же — с какого-то момента, что холод не может причинить мне вреда. Широкий край ткани низко падает на глаза, срезая обзор, но в центре сглаженного треугольника все еще продолжает маячить облачно-розовая фигура.

Куда ее только понесло?..

Сократив шаги между нами еще вдвое, пока не отдалившись от здания даже метров на пятьдесят, слышу, как ветром снова сметает на меня ее голос, зовущий кого-то, обернувшегося к ней спиной:

— Марин!.. Маринка!.. — хрумкает снегопадом в глаза, сносит слова не столько ветром, сколько самой круговертью снежных хлопьев. В такую погоду очки мне и не нужны, и бесполезны — заметет в первую же минуту…

Сквозь пургу я наконец замечаю вдалеке длинноволосую блондинку в меховой шубке, окруженную немногочисленной компанией, и мне кажется, что именно ее и зовет девчушка, но та почему-то не может расслышать, хотя крик достаточно громкий. Достаточный, чтобы перекричать даже снегопад. Странно…

В какой-то момент я уже снова хочу ускориться на пути к девушке, пока она снова не упорхнула — и на этот раз совсем, но внезапно останавливаюсь, напряженно замирая. Смотрю еще раз, щуря глаза, а она тем временем вновь пытается докричаться до подруги, но опять безрезультатно, словно та нарочно не хочет ее замечать, и мелкими перебежками устремляется следом. Упрямая… Шиплю сквозь зубы, беззлобно, — извинение Гере, потому что срок моего опоздания явно затянется, — и срываюсь следом…

Огромное поле парковки как-то незаметно и очень быстро сменяется занесенным шалашиком остановки общественного транспорта, а уже он — близлежащей улицей. Тени от фонарей стелются под ногами, наслаиваясь и преломляясь друг в друге и в отсветах желтых огней в окнах, кое-где по мигающему сиянию я угадываю гирлянды за стеклом, хотя времени смотреть по сторонам нет совсем. Снег искрится россыпью, сугробами и мелкими холмиками на всех горизонтальных поверхностях, пытаясь поглотить собой цвета, кроме белого, серого и серебристого, слегка подсвечиваясь и затемняясь одновременно ночью. А улицы вьются дорогами, тротуарами, проездами, тупиками и переулками, в переплетении которых я теряюсь, потому что этот район мне не знаком.

Я меряю путь широкими торопливыми шагами, заглатывая литрами прозрачный морозный воздух и клочья обрывочного снега, стараясь не поскользнуться, и уже, кажется, начинаю уставать, но на соседней улице девушка наконец настигает цель, как вкопанная останавливаясь на месте, и только продолжает канючить рядом, повторяя то и дело радостным солнечным голосом:

— Маринка, привет! Мари-ина…

Длинноногая, худая, как спица, даже под мехами, девушка в рыжей пушистой шубке невозмутимо проходит дальше и мимо, звонко чеканя тротуар каблучками сапог, и в ответ на все возгласы со стороны лишь невзначай накидывает на голову меховой капюшон, продолжая легкомысленно щебетать о чем-то в

окружении двух молодых людей, вьющихся рядом. До меня долетает со стороны их разносящийся эхом безмятежный удаляющийся смех. Вот и вся прелесть дружеских женских отношений…

Компания неспеша удаляется дальше, вверх по улице, оставляя одинокую девушку на обочине их разговора и веселого шума, и подойти к ней сейчас, такой расстроенной и подавленной, с приставаниями познакомиться, кажется неудобным.

Я останавливаюсь на углу улицы, все еще неотрывно глядя на незнакомку, пытаясь вскользь ухватить ее взгляд, но она не смотрит по сторонам — только себе под ноги, чиркая ботинком по тротуарным камням, и мне кажется, она расстроена чем-то еще. Чем-то намного большим.

Перевожу дыхание, пытаясь привести его после пробежки в нормальный спокойный ритм, и наклоняюсь выкинуть снег из-за отворотов ботинок, прежде чем все-таки подойти к Ней ближе. А когда наконец снова поднимаю голову, вижу, что Она уже на улице не одна. В первые секунды мне кажется, что это опять какие-то ее знакомые, но я ошибаюсь: двое парней дворового вида и явно подвыпившие, оба в каких-то полурасстегнутых засаленных фуфайках, бритые под «горшок», с перекашиваемыми ухмылками рожами. Один мнется кругами перед девушкой, загораживая собой проход, не девая сделать и шага, другой, с оскаленно-скользской улыбочкой стоит полубоком с другой стороны, придерживая ее за локоть, и чего-то бормочет растянутым срывающимся голосом, пытаясь утянуть за собой в узкий переулок между домами, ответвляющийся от основной улицы.

Незнакомка испуганно улыбается, пытаясь вырваться. Даже со своего места я вижу — представляю до рези в голове — как жалостливо и растерянно блестят ее, словно стеклянные, пронзительные влажные глаза, не понимая.

Зато я прекрасно все понимаю…

«Подруга» в окружении ухажеров уже успела скрыться с горизонта, кто-то из проходящих мимо на другой стороне внезапно развернулся по направлению, скрываясь в ближайшем сквозном переулке. Снова тихая, пустая, узкая улица. Как и все похожие в нашем городе, они выглядят оживленными, пока на них есть хоть несколько человек, до жути, до тесноты между стенок домов. Но сейчас, лишившись этих нескольких прохожих, окружающее пространство становится слишком пустым. И безжизненным.

Тихие улочки нашего города, изменчивые, как направление

снегопада в метель…

— Пусти! Отвали от меня! Отстань!..

Я уже сломя голову лечу вперед, навстречу, когда отбивающуюся девушку силком затаскивают в темноту проулка.

…Наша главная задача как Ловцов — защищать людей от любого возможного контакта со Снами, а их самих — от необдуманных поступков, порождаемых непониманием происходящего и страхом. Я не добавляю к своим обязанностям ничего лишнего, но сочту правильным, если попытаюсь еще и защитить людей друг от друга.

В темноте тесного переулка нет фонарей, и свет проникает сюда только с улицы и с неба, запорошенного белой рябью, и в первые несколько секунд я вижу только смазанные серо-фиолетовые контуры, постепенно привыкая к темноте.

Двое пялятся на меня, вылетевшего из-за угла, точно на призрака возмездия, явившегося посреди темного переулка. Оторопевши — и как-то разом растеряв всю свою уверенность, хотя я замечаю в их глазах проявляющуюся изнутри волну смятения и ярости. Один, с сероватой небритостью на пухлом заплывшем лице, наполовину загораживает боками просвет переулка — я вижу за его спиной вторую тощую и ломаную фигуру, придавившую девушку всей массой к стене, пытаясь заставить ее не вырываться.

Девчушка странно замирает, глядя на меня испуганно и явно подозревая, что это подоспела подмога, но потом ее круглые, несчастно-прозрачные глаза расширяются от удивления — она меня узнала?… Пытается рвануться навстречу, но ее грубо хватают сзади за капюшон, сбивая шапку в снег и отталкивая назад, за свои спины.

— Слушай, пацанчик… Найди себе другую, эта киска на сегодня уже занята… — голос тощеватого, с влажными и острыми бегающими глазками, кажется заплетающимся и растягивает слова нараспев, точно какую-то пьяную песню, и мне как-то разом становится душно и противно от него, а еще я чувствую — так же, поднимающуюся накатывающим валом изнутри, — нестерпимую, но какую-то хладнокровную злость.

Приободрившись заплетающейся речью, дружок говорившего медленно отлипает со своего места навстречу, покачиваясь, но с гадкой усмешкой на распухшей красной физиономии. Не спеша приближается ко мне, все еще нагло ухмыляясь, только странно — и тоже медленно — заводит за спину раскрытую ладонь.

Я замечаю мелькнувший в его руке нож еще раньше, чем он успевает им замахнуться — нелепо, грузно, пытаясь взять скорее внезапностью и грубой силой, а не тактикой или ловкостью.

Уклоняюсь назад и в сторону, проскальзывая под его руку и, перехватив за плечо, впечатываю боком в стену переулка.

Ненужное теперь оружие нападающего с неслышным лязгом падает под ноги, и я пинаю его мыском ботинка в ближайшую кучу снега. Все это — практически за пару секунд, но время будто расслоилось по ним и распалось по кадрам, и только какое-то время спустя, как в заглючившем фильме, я слышу пронзительный испуганный вскрик девушки. И смачный хлопок пощечины.

«Заткнись, идиотка!..»

Проглоченный жалостливый всхлип, переходящий в тихий, скулящий от боли плач, нестерпимо давит виски.

…Дальнейшее я помню обрывками: наверное, осознанный человек во мне исчез, уступив место каким-то хладнокровным механическим рефлексам, и я сам до конца не смог понять, что же произошло.

С людьми можно поступать по-хорошему до определенного момента, до какой-то грани, за пределами которой уже не существует ни чувств, ни эмоций — только заложенная предками древняя животная сущность. И, по-видимому, то, что сделал этот урод, стало для меня последней каплей.

Сверкающий росчерк, мелькнувший из-за спины, вспарывает пространство по дуге, молниеносно и наискось проходя вдоль плеча того, кто еще несколько секунд назад стоял рядом с девушкой, пытаясь удержать ее у стены. А он сам медленно, в раздробившемся на кусочки времени, начинает складываться пополам, хватая ртом воздух и второй рукой зажимая рану на плече, где сквозь ткань куртки блестит и сочится красным.

Второй пытается отлипнуть от дома, бешеными, расширенными от удивления и злобы глазами ища под ногами свой нож, и схватывает его же, не глубоко, но болезненно ощутимо пропоровший под углом высокое голенище ботинка.

Девушка, чье имя я еще не знаю — все еще не знаю — не успевает даже рта раскрыть, когда я резко, не церемонясь, хватаю ее за руку, протаскивая с собой на другой конец переулка, оказавшегося сквозным. Она честно пытается бежать следом, но путается от волнения в ногах и практически сама висит на мне, крепко вцепившись в плечо, хоть я этого почти не ощущаю.

Когда тесно сомкнувшиеся стены снова раздвигаются, я буквально чувствую наплыв свежего воздуха, будто там, в оставшемся позади проулке на самом деле было нечем дышать. Пожилой прохожий в утепленной меховой кепке с козырьком не в укор резво шарахается в сторону, громко поминая на всю улицу чью-то мать, когда мы вдвоем, не глядя по сторонам,

вываливаемся наружу из почти незаметного с этой стороны просвета между домами.

Эта улица длинная и извилистая, и ее я не знаю и вряд ли даже просто видел раньше, зато почти сразу замечаю на другой стороне притаившуюся среди витрин магазинов и оконных ставень первого этажа высокую дубовую арку парадной двери, чуть приоткрытую наружу из-за отошедшей щеколды кодового замка. Резко крутанувшись на месте, торопливо тяну девушку к подъезду.

Помогать людям…

Я распахиваю дверь настежь почти рывком и, проталкиваясь вместе со спасенной незнакомкой внутрь, захлопываю намертво за своей спиной.

— Все, приехали… Пожалуй, оторвались… — дышу со свистом, стараясь разглядеть хоть что-нибудь перед собой и вокруг, но от темноты кажется, будто глаза выело. Только какие-то рыжие мушки танцуют под веками в такт аритмичному бешеному буханью сердца под курткой. Сквозь собственное дыхание слышу, как совсем рядом встревоженно и испуганно дышит Она, пытаясь прийти в себя.

Рядом по стене, на расстоянии вытянутой руки от двери, есть прозрачная щель в не до конца замазанном краской паутинном окне, в которую видно переулок. Но не видно никого подозрительного снаружи. Кажется, действительно оторвались…

Я шарю в кармане, пытаясь на ощупь отыскать там зажигалку, щелкаю в воздухе ее отмороженным язычком, пытаясь выскрести язычок пламени, чтобы хоть как-то осветить окружающее.

Желтоватый отсвет огня дрожит от сквозняка, едва разгоняя сумрак, в котором заплесневело дышит в спину огромный высокий подъезд, разрастающийся по бокам запахом пыли и кошек, старающийся загасить пляшущий над рукой трепетный слабый огонек.

Заботливо прикрываю его ладонью в обкромсанной перчатке и вскидываю голову, услышав сбоку подавленный дрогнувший всхлип девушки.

В дрожащем, дергающемся свете одинокого всполоха я вижу перед собой печальные, испуганные глаза Затерянной…

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
«Comatose»
Антон

Цикл души, как мне объяснили когда-то еще на самом раннем этапе, составляет три дня.

Три дня — это тот короткий промежуток времени, в котором у тебя еще есть возможность попрощаться с родными и отправиться уже в другую — следующую — жизнь. Вот только кто-то уходит сам — еще в самом начале Перехода: те, чье душевное равновесие уже не держит и не мучает их, привязывая к Земле. Кому больше нечего здесь ждать, не на что надеяться — и некого любить. А кому-то приходится помогать. Для этих вторых существуют Ловцы, такие, как я: мы — те же «проводники отсюда», сторонние независимые наблюдатели, желающие лишь, чтобы кто-нибудь из Сновидений не натворил с перепугу чего-то неправильного и лишнего.

К сожалению, ценят это далеко не все. И продолжают упрямо гнуть свое. Опять же — только из-за страха, я верю в это.

Только по Правилам такие действия расцениваются как нечто совсем другое.

У тебя есть всего лишь три дня, чтобы попрощаться с этим миром…

Вот только эти же три дня на самом деле — еще и точка невозврата. Та самая грань, после которой уже ничего нельзя изменить, если ты остался среди живых. И, если не успеть в этот короткий срок отправить душу по дороге назначения или ликвидировать, она потеряется, не найдя себе места. Затеряется.

Затерянные…

— Отдел… — начало замусолившей язык формулировки непроизвольно опадает в промерзший воздух, подвешенное, словно на каких-то вживленных в голову рефлексах, когда я, прикованный встречным взглядом, смотрю на девушку сквозь подкатывающую темноту.

Ее глаза сейчас прямо напротив: вопреки обыкновению, они практически не изменились с того вечера нашей первой встречи и глядят все так же открыто, пронзительно и чисто, но теперь я знаю, на что они могут быть способны. Меня пугает, что я ничем не защищен от их воздействия, но вопреки страхам, я не чувствую ни боли, ни слабости, ни Опустошения — лишь жалостливую щемящую тоску, внезапно подкатившую к сердцу. Но и здесь

состояние девушки ни при чем.

Такие глаза я видел лишь однажды…

В дрожащем оранжевом свете, пляшущем на сквозняке, черты незнакомки тоже слабо подрагивают, словно она растворяется в темноте. Расстегнутая рывком куртка, наполовину оторванный, болтающийся через плечо меховой воротник. Потерянная в переулке шапка так и осталась где-то там, валяться в занесенном ветром сугробе.

Она по-настоящему маленькая — даже не миниатюрная, а просто мелкая, — едва ли достает макушкой мне до плеча. С прямоугольной плоской фигурой и маленькими ладошками с тонкими, почти прозрачными розовыми пальчиками.

Светло-русые длинные волосы мелкими волнами лежат на плечах, словно только что были расплетены из прически, разделены надвое и перекинуты вперед, как концы вязаного шарфа. Нос-клювик, пухлые губы бледно-розовым бантиком — все остальные черты кажутся маленькими по сравнению с ними.

— Ты… вы кто? — она спрашивает это сама и первая, все еще испуганно, хотя в голосе уже едва пробивается прежняя настойчивость, с которой она так стремительно бежала по улицам вслед за подругой. Потом снова прячется, еще дальше и затаеннее, чем было, и девушка нерешительно отступает назад, спотыкаясь и скользя на разбросанных по полу рекламных проспектах.

В ней нет ничего явно привлекательного или запоминающегося, но огромные распахнутые круглые глаза сияют так, что сжимает душу. Мне кажется, что только в них сосредоточилась вся ее красота, вся чувственность и откровенность, настолько яркие, настолько контрастирующие с внешностью, что я не могу заставить себя отвернуться.

Точно так же, как и не могу заставить произнести забитую от случаю к случаю фразу до конца.

— Антон… Крайности, — отвечаю хрипло и как-то очень тихо, словно опасаясь вспугнуть тишину, хотя той, в сущности, и нет вокруг, а боюсь я совсем другого.

За окном и подъездной дверью я угадываю жизнь, чувствую ее: все эти промежуточные разговоры, смешки, шаги, движения, тихий скрип ботинок по свежему снегу, шелест шин в дорожных колеях.

А здесь, внутри, вокруг нас — лишь промозглый холод и пустота.

Нерушимая, спокойная.

Покойная…

— Заметно, — девушка всхлипывает, но уже тише, несмело

опустив глаза, как будто опасаясь столкнуться с окаменяющим взглядом, хотя в действительности даже не подозревает, как ее собственные глаза действуют на меня. — Дина.

Я сбит с толка, я хочу что-то спросить — я хочу что-то, — но чувствую, как меня колотит изнутри от внезапного озноба, и мысленно вдруг понимаю: «Я действительно боюсь». И не знаю, что делать, и уж точно не могу — не смогу — ни о чем доложить сейчас, хотя должен…

…Прежде чем я успеваю что-либо додумать, в кармане куртки снова начинает нервно вибрировать телефон, разнося в пыльной тишине звуки приглушенных гудков. Настойчиво, жгуче и резко. Экран мобильника пронзительно вспыхивает в полутьме, стоит мне только вытащить его наружу, освещая подъезд намного лучше крошечного огонька зажигалки, и, увидев входящий номер, я ощущаю внезапную растерянность и запоздало накатывающие смущение и чувство вины.

Я не могу ответить ей сейчас. Так же, как и не могу это НЕ сделать.

— Где, сугроб тебе за шиворот, тебя еще носит все это время? Ты должен был прийти полчаса назад, и что? — в голосе Герды нет ни раздражения, ни капризности, но я угадываю сквозь трубку, что она озадачена. По интонациям — и намеренно веселым словам, звенящим в привычной манере, когда она хочет скрыть за напускными эмоциями свои настоящие.

Я чувствую, что она расстроена, и сказать неправду сейчас — все равно плюнуть в душу. Но и правду… Одному из информационистов Отдела?..

— Гер… здесь человеку очень нужна моя помощь, понимаешь? Только я могу помочь, я справлюсь… и приду, скоро. Обещаю. Я же помню все…

Она молчит в трубку. Как будто бы целую вечность, а потом выдыхает все на том же тоне, только теперь в интонациях Герды ощущается беспокойство:

— Этот ваш заявлялся только что. Ну, ты понял. Думал, что мы вместе, хотел поговорить о чем-то, но я сказала, что ты еще не пришел, — и уже совсем серьезно и озабоченно. — Антон, скажи честно: ты ничего не натворил?..

— Ничего, — соглашаюсь я, глядя перед собой в темноту, потому что луч от экрана телефона светит сейчас не на окружающее, а мне в щеку. Но даже так, во мраке, я угадываю и словно вижу рядом с собой спокойное до мельчайших черт лицо Дины. Не застывшее — просто спокойное.

— Вот и хорошо, — я буквально чувствую по голосу, как она расслабленно выдыхает эти слова в трубку. — Удачи! И…

расскажи потом, что он от тебя хотел. Прийди и расскажи…

— Ладно…

Маленький экранчик мобильника на протяжении нескольких секунд еще не гаснет, когда я отнимаю его от уха, слушая отрывистые холодные гудки на оборвавшейся линии, и продолжает освещать подъезд. И все это время я смотрю на Дину, не понимая, что мне делать.

В сумрачно-белесом, выцветающем неподвижном мерцании фигура девушки кажется совсем невесомой и почти прозрачной на вид. Светлая и без того кожа теперь как будто похожа на тонкий гибкий пергамент, а волосы подсвечиваются золотистым и серо-монохромным. Это же сияние, едва ли различимое обычным человеческим глазом, окутывает полностью и ее тело, скрадывая и смывая края оттенков, так, что даже разноцветная одежда выглядит однотонной.

Дина вся кажется такой: плоской, бесцветной и нереальной даже для своей параллели, и такая внешность заведомо должна отталкивать, как отталкивает всегда все неестественное и чужеродное, но я почему-то не могу отвести от девушки замершего — и какого-то зачарованного взгляда. И еще не могу — отказываюсь поверить, со всем своим упрямством, которое так не нравится Герде, — что такое случилось с ней.

Почему? Именно? С ней?..

— Простите, я пойду… Спасибо… вам, — экран внезапно меркнет, смазывая и затемняя сумраком визуальные ощущения, и сквозь темноту я вижу, как передо мной опять стоит просто человек. Почти человек.

Уже нечеловек.

Она боком протискивается мимо меня к двери и толкает ее, уже без страха делая шаг наружу. В поведении снова: спокойная, призрачно-лживая повседневность без цели и смысла. Я знаю — видел сам достаточное количество раз, — Сны бродят так по городу, застывая под светом разгорающихся фонарей, что-то ищут, сами не зная и не понимая, чего. Куда-то спешат, торопятся и чего-то ждут, как будто по инерции, по привычке совершая то, что делали когда-то при жизни. Только теперь эти действия похожи просто на бессмысленную, беспричинную программу, записанную на жесткий диск.

— Пожалуйста… — все инструкции, кодексы и правила велят мне действовать сейчас по-другому, но я просто продолжаю неподвижно стоять на месте, глядя Дине вслед.

В сиянии фонаря, мелькнувшего росчерком в просвете открывающейся двери, фигура девушки внезапно вспыхивает серебристо-белым, как будто занесенная ворохом вспорхнувших

снежинок, потом она делает еще шаг вперед, за границы луча электрического света, снова покрывая плечи темнотой вечерних улиц.

Со спины Дина выглядит совсем обыкновенной. Слишком обычной и живой, чтобы оказаться Затерянной, и я до последнего не хочу верить в это, хотя знаю, что это так. Город кишит призраками, которых никто не отличит от людей, даже не увидит их.

Никто, кроме меня и таких, как я. Я крайний. Я Крайности. И сейчас я должен поступить по инструкции, потому что любое отклонение от нее может привести к непоправимым и ужасным последствиям.

Но я по-прежнему молча смотрю на опустевший порог, заглатывая подступившее к горлу название своего Отдела.

Как же мне надоело это все…

…Подъездная дверь тихо скрипит, перекошенная в одной петле, когда я тоже несильно толкаю ее плечом, выходя наружу.

Бесследно-чистый снег все еще спокойно кружится в неподвижном воздухе, падает лохматыми перьями из растрясенной небесной подушки. Оседает на дорогу, камни тротуара, припорашивает мягким искрящимся слоем ступеньки перед парадным входом и пластиковыми дверями магазинных помещений.

Кованый черный фонарь, зависший на углу перекрестка, разливает под собой лужу серебряного дробящегося света, который отражается в отдельных снежных хлопьях, передаваясь от частицы к частице, скатываясь по улице вниз, где смешивается с фиолетовым сумраком.

И опять никого вокруг, кроме светящихся живых окон над головой.

Прохожие каким-то образом опять странно испарились, а Дина уже исчезла, и я не хочу знать, куда, хотя могу выследить. Но я не хочу о ней думать сейчас, хочу спрятать эти мысли, чтобы не вышло хуже.

…Знакомое головокружительное ощущение накатывает, едва я отхожу от подъезда на несколько шагов, заворачивая за угол, в перехлестывающиеся тени домовых стен. И тут же чувствую, как самопроизвольно и внезапно подкашиваются ноги.

Я глотаю темноту обрывками, мучительно давлюсь ею, чувствуя, как что-то скребется в горле пронзительным холодом. Задыхаюсь леденящим морозным воздухом реальности, пока наконец не проваливаюсь через нее насквозь, в какое-то неподвижное, беззвучное безвременье.

— Вечер добрый, Ловец Крайности…

Голос — тоже знакомый — резко давит на слух то ли извне, то ли внутри меня самого хрипловатым, крошащимся и шелестящим водопадом сухих листьев.

Память мысленно рисует перед глазами словно выплывшее откуда-то из темноты острое худощавое лицо: с хрящеватым, узким изломом носа и круглыми, словно совиные, мутными глазами с желтеющим белком. Тонкие, плотно сжатые в сухую линию губы никогда не складываются в улыбку.

По крайней мере, при мне.

Эдмунд Александрович Псовский — человек со странным именем и обманчиво спокойным, занудным голосом школьного историка, монотонно диктующего конспекты все сорок пять минут урока. Частичный куратор Отдела Снов и — полный и безраздельный — Отделов Конфиденциальности и Правил. Как одно совмещается со вторым и почему ими руководит один и тот же человек одновременно, я так до сих пор и не представляю. Но это есть. И уже слишком давно, чтобы я мог с чем-то поспорить…

— Внимательно вас слушаю, — отзываюсь с дребезжащим хрипом в голосе, потому что в горле до сих пор еще неприятно скоблит и першит от проглоченного холода его энергии прихода. Перед чернотой, застелившей глаза, отчетливо проступает, окрашиваясь оттенками, картинка визуального образа: четко очерченные отпечатки ботинок по свеже выпавшему нетронутому снегу, направленные узкими мысками вперед, в мою сторону.

И пусть даже на этом близком изображении я все же в упор не могу разглядеть того, кому эти абстрактные следы могли бы принадлежать, все равно уверенно понимаю — он здесь, несомненно. И явно по какому-то очень важному вопросу, если явился в таком виде. Только почему-то мучительно и бесповоротно медлит.

Или, может, хочет, чтобы я предположил сам? — не понимаю…

— Рассказывай, что у тебя здесь произошло…

Уверенный тон начальника и его слова разбивают во мне осколками все даже самые смелые ожидания, и сначала, удивленный, я даже не могу на какой-то момент сообразить, что тот имеет в виду. А потом понимаю. И вслед за пониманием возвращается прежнее, но усилившееся теперь, беспокойство. Не к добру…

— Пользование рабочим оружием вне собственной компетенции и без доклада в Отдел наказуемо, если тебе неизвестно… — в голосе Псовского мгновенно накаляется металл. Я удивляюсь его осведомленности, хотя для этого нет повода — у Лунного на подобные дела всегда если не особое

чутье, то уж точно хорошо наметанный глаз. Даже не так — карающее око.

Я чувствую, как его невидимые в темноте глаза незримо и прожигающе смотрят мне в лицо. Требовательно, настойчиво и обманчиво терпеливо. И мне ничего больше не остается, кроме как ответить, но в горле комом становится сопротивление — Он никогда ничего не спрашивает просто так.

— Я защитил девушку… Двое напали на нее в переулке, я не мог просто пройти мимо. Не разобрался сначала, а потом… Она…

— Одна из Снов, я угадал.

Считывает ответы, как крупные буквы из детской книжки — иногда мне кажется, что Лунный вообще мог бы не задавать вопросов. Но почему-то продолжает это делать — своеобразная проверка верности?..

— Затерянная… — я не имею права умалчивать, но при этих словах внутри что-то словно обрывается, скатываясь холодом по спине.

— Полагаю, ты однажды уже слышал про них?..

Молча киваю, почему-то уверенный, что мой визуальный посыл до него дойдет.

Их часто называют «призраками» — у этих душ мало общего с людьми — и еще меньше — со Снами, готовыми к перерождению. Это как промежуток между двумя состояниями. Но уже без надежды и шанса сдвинуться в какую-либо сторону.

Таких в нашей работе достаточно, и с Затерянными принято разбираться отдельно, особым способом, и обычно кому-нибудь, поквалифицированнее рядового Ловца. Только, как я слышал, случаи эти обычно заканчиваются далеко не в их сторону и благо. Но именно в это я верить не хочу.

Только приходится…

А Псовский тем временем продолжает, опять монотонно и тягуче, и черт его разберет, что он чувствует в данный момент на самом деле и что предпримет — в следующий:

— Помнишь теорию перерождений?

Вопрос риторический… Я все это прекрасно знаю. И начальник так же прекрасно осведомлен в этом, но все равно продолжает читать мне лекцию, не обращая внимание на ускользающее время и то, что от его мысленного присутствия у меня уже начинает кружиться голова.

— Закон Чистоты и Права, — говорит, будто вместе с плывущими в голове мыслями — ровной строчкой конспектов по тетради, или же по-другому — насильно заставляет меня вспоминать их, чтобы сократить время диалога. — …чтобы получить само право на дальнейшую следующую жизнь, нужно не

навредить никому из ныне и здесь живущих во время Перехода…

Все та же монотонная, текучая, полная рассуждениями древняя теория бесконечного перевоплощения каждого живого существа после смерти — в другом теле, в другом месте и в ином времени, основа нашей «философии». В каком-то роде, эта теория — единственное, вселяющее надежду, что все прожитые нами годы не сойдут безрезультатно на нет, что наш путь бесконечен и явно не бесцелен. Иногда это успокаивает. Иногда…

— Мы не можем знать наверняка, кто кем был при жизни, но можем предположить, потому что Переход обнажает все скрытые черты души. Именно поведение ее как таковой дает возможность определить ее дальнейшую судьбу. Опасные сущности нам ни к чему, верно? Они не могут пройти отбор… Ты ведь знаешь, что следует делать с теми из Сновидений, кто не проходит критерии?..

…Уничтожить. На месте. Чтобы избежать угрозы для людей и нас самих. И все дело в равновесии энергии.

Непроизвольно и в малых частях ее забирают все из Снов: это как нечаянная попытка природы восстановить баланс между живой и мертвой материей, за которую они не могут отвечать ни добровольно, ни принудительно, как бы мы этого ни хотели. Или — не конкретно мы, а кто-то, кто и придумал и создал всю эту систему.

Но, бывает, возникают отдельные случаи, когда Сны намеренно опустошают все живое вокруг. Я не знаю, что это: отчаяние, порождаемое непониманием и страхом, возможная бесцельная месть кому-то за свою судьбу или первородная озлобленность, но Правила склоняются к последнему, к самому плохому, чтобы дать возможность это предотвратить.

Именно поэтому мы действуем всегда с большой осторожностью. Именно поэтому в наших привычках — постоянно прятать глаза за непроницаемыми очками, стараясь защитить себя.

Именно поэтому нам приказано действовать радикально и жестко на любую попытку Сна оказать сопротивление, потому что единственное, что они еще могут — это Опустошение. То же убийство, если смотреть правде в глаза.

Только вот… если уничтожить убийцу, их количество все равно ведь не уменьшится. И именно этого я не понимаю…

Но сам Закон Чистоты и Права подтверждает обратное: чтобы получить возможность дальнейшего перерождения, ты должен этого заслуживать. Интересно, своими действиями я сам когда-нибудь смогу ее получить?..

— А Затерянные в действительности — еще большая

опасность, чем просто противоборствующие Сны — ты сталкиваешься с этим только в первый раз, поэтому и объясняю, — в занудно-умиротворенном голосе все резче проявляются какие-то одухотворенные интонации, или мне уже просто кажется: само присутствие кого-то еще в сознании нестерпимо давит изнутри, как будто чужие мысли то и дело норовят вытеснить оттуда мои собственные. Но где-то на периферии чувств, все еще остающейся в этом контакте только моей, я ощущаю зудящее беспокойство. Словно, несмотря на все, я что-то забыл или не учел.

— Мы знаем по опыту работы, что многие не переходят на новую сторону жизни самостоятельно, а еще часть из них приходится отсеивать. Но, помимо нашего, существует так называемый природный, естественный отбор по отделению непригодных. И делается это явно не просто так, поверь мне. Все Затерянные по природе своей агрессивны, вспыльчивы и непредсказуемы, и это тем более не делает их лучше вдобавок к их изначальной сущности…

Я хочу сосредоточиться на его словах, но не получается, и их смысл упрямо проскальзывает мимо: встреча с Диной все еще держит меня в состоянии шокирующего смятения и замешательства, и я наконец решаюсь на тот вопрос, задать который следовало бы еще в самом начале:

— И как мне теперь с ней поступить?..

Ответное молчание — как внезапная тишина в эфире. Такая, что внутри у меня все леденеет и застывает в странном, выжигающем злом предчувствии.

— …А ты еще не понял?..

Риторический вопрос…

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
«Looking for angels»
Антон

Отголоски слов, все еще продолжающие звучать в голове, постепенно растворяются, оставляя за собой ясное и четкое ощущение уходящей в ночь двойной дорожки чьих-то следов.

Я чувствую — а потом и вижу сам, — как перед залитым чернотой сознанием медленно разгорается светлое пятно, и только через несколько секунд запоздало понимаю, что снова оказался в привычной, вечерне-размытой снежной реальности.

Снег оседает на лицо, мягко касается, словно пальцами по щеке, проводя изогнутую длинную волну, от ощущения которой становится щекотно. Это похоже на прикосновение. На ЖИВОЕ прикосновение.

Фонарный столб на углу улицы лучом расплескал под собой свет, словно отгородившись им от подступающего мрака, и отдельные снежинки и хлопья влетают в него со всей скорости, разбиваясь осколками, и загораются на мгновение ослепительно белым и сияющим, похожим на звезды.

А я неподвижно смотрю на них, отчаянно пытаясь сообразить, как здесь все-таки оказался.

Я точно помню, где находился в последний раз, до разговора с Лунным, точно так же, как уверен, что не мог во время него никуда переместиться самостоятельно. Но круглая матовая лампа, окованная металлом, продолжает светить над головой, заменяя собой луну, которой в городе почему-то никогда нет из-за облаков. Как нет и сейчас.

Если это неожиданное перемещение и планировалось быть намеком, то слишком прозрачным. Хотя «намек» — слово точно не для такого случая и такого человека. Приказ.

…У меня холодеет и плавится все внутри, потому что сердце скатилось куда-то в район живота, и этот жар и этот холод не позволяют даже двинуться с места, но именно этого я и боюсь больше всего: сделать шаг. Найти путь, отыскать по следам Дину, которой, в действительности, уже на самом деле нечем помочь, и сделать все, как заложено Правилами. Как было велено. Я же так всегда и поступаю?..

Нарочно медля, осторожно вынимаю из потайного кармана в прорезях расшитой вставки на боку один из метательных ножей. Тяжелое, полностью металлическое, идеально сбалансированное,

оружие удобно подстраивается под все ямочки, бороздки и впадины ладони, срастаясь по восприятию с собственным телом.

На скошенном в острие лезвии начертан в углу знак — схематическое до примитивности изображение древнего индейского оберега «Ловца снов».

«Хорошие сны проходят сквозь маленькую дырочку в центре плетения, а плохие запутываются в паутине…» — со временем эта фраза, прочитанная когда-то давно в Википедии, приобрела для меня почти символическое значение. Паутина — это наша организация, дырочка в центре — Переход, а Сны… Сны тоже бывают хорошими и плохими. И от последних нам приказано избавляться…

Найти… Каждого в городе сейчас можно отыскать по цепочке свежих следов, которые тот отпечатывает за собой в снегу занесенных тротуаров и мощеных улочек. Сновидения их не оставляют, это одно из не менее важных свойств, — но такой способ как раз для них, как бы парадоксально ни звучало.

…Свет фонаря, под которым я все еще в замешательстве стою, отбрасывает серебряный в снежном кружеве луч на покрытый льдистой корочкой асфальт у меня под ногами. Делаю шаг в него, зажмурившись представляя — почти чувствуя на самом деле, — как сияние рассеивается во мне и я сам ответно рассеиваюсь в нем, собираясь заново, уже в какой-то новой форме.

Мир на мгновение гаснет, а потом снова проявляется вокруг штрихованными контурами, словно сквозь затемненные стекла очков, которых на самом деле нет. Так видят окружающее Сны — альтернативная реальность, чуть более глубокий ее слой, чем доступно ощутить обычным людям.

Пронзительное столбообразное сияние фонаря — единственного из всего вокруг, что при перемещении осталось прежним, — пугает и завораживает одновременно: по сравнению с темной, едва различимой в клубящей ночи улицей, свет, падающий под ноги, кажется потоком расплавленного золота, пучком люминесцентных ламп и пронзительно накаленной иглой, прорезавшей воздух. Он обособленный и почти физически ощутимый — как будто можно в любой момент протянуть к нему руку и отщипнуть кусочек. Только совсем маленьким обойтись не получится.

…Я едва могу оторвать взгляд, заставляя себя обернуться в другую сторону.

Ходить на эту грань реальности неприятно, но теперь я могу увидеть то, что видят Сны. И выслеживать их, соответственно…

Девственно-чистый снег окрашивается на тротуаре

нейтрально-белым в тех местах, где в оставшейся позади привычной действительности протоптаны многочисленные тропинки вдоль дороги и отходящим с улицы задворкам. Зато отчетливо — точно блестящими охряно-золотыми разводами по земле — выделяются следы тех, кого в нашем мире уже не существует.

Я вижу Сны — и теперь они видят меня таким же, одним из них. Это почти такая же уловка, как обманчивая печаль в их глазах, заставляющая порой слишком безрассудно им довериться.

Свет, теперь нестерпимо врезающийся потоком в спину, хочется впитать в себя полностью, поглотить, затянуть, сделаться его частью, а его — частью себя, безраздельной и полной. Чтобы хоть немного почувствовать себя другим, чем-то чуть большим, чем просто серая тень, блуждающая во мраке. Выуживаю из внутреннего кармана очки с продолговатой царапиной на правом стекле — памяткой недавней ночи. Мир почти полностью гаснет перед глазами, притупляясь в рассеянной беззвездной мути, только маячит перед глазами блеклая уже двойная дорожка Дининых следов, углом расходящаяся от подъезда, из которого мы оба еще недавно вышли. Не знаю — не могу толком понять — почему, но мне кажется, что она куда-то спешит.

Или это я должен поспешить…

* * *

Наш город похож на паутину.

Стягивается районами вокруг общего центра, пронизанный всеми его проспектами, закоулками и подворотнями, с вкраплениями щебня, крошек и дорожной пыли, зацепившейся за дымоходы и электрические растяжки проводов. Город рвется местами, он действительно выглядит как сеть — невидимое переплетение чьих-то мыслей, снов, желаний, улыбок и хмурых взглядов. Неизвестных разговоров, откровенных тайн и забытых имен. Он выдержал ветер и время. Он заключил воду в гранит набережной и испещрил небо каскадами ветхих крыш, окружил зелень парков песчаной штукатуркой домов и стен. Но он не выживет без людей…

…Основные артерии дорог тянутся по другую сторону реки, окольцованной многократными мостами, и почти не затрагивают наш район, по сути своей являющийся островом. Я иду неразборчиво, практически не замечая ничего вокруг. Уверенный, как мне кажется, и вполне спокойный, но спокойствие это больше походит на оцепенение.

На какую-то отчаянную попытку прийти в себя, быть вновь тем, кем казался до этого, привычным, делая те же привычные дела и думая привычные мысли.

Следы за моей спиной постепенно начинают притухать, а впереди все еще вьются, я почти бегу по ним, сам порой этого не осознавая, не боясь на кого-нибудь наткнуться: если где-то поблизости и есть люди, моего присутствия они не ощутят и не заметят. Сначала вдоль набережной, петляя по пересечениям людных проспектов — тропинка, словно задумавшись, кружит и мнется возле мощеной музейной площади и, приняв какое-то решение, быстро сворачивает вдоль дороги через мост, освещенного двумя стройными рядами частых круглых фонарей-ламп. Свет разгорается уходящей перспективой, теряясь в тумане на той стороне размытыми снегом и облаками с пятнами.

В этом слое искаженной затемненной реальности нет теней, а небо кажется сплющенным пластом крошащегося серого пепла, отодвинувшимся еще дальше в вышину в своем неподвижном монохромном бесцветии. Только сияние ночных маяков компенсирует все, разгораясь и накаляясь до плавящей, монотонно пульсирующей белизны. Я люблю наблюдать, как они разгораются: сначала высекается зеленоватая искра, бьется и мерцает среди тесных стенок стеклянного заточения, подсвеченных молочным туманом и всполохам. Отсвечивает синим и резко вспыхивает, озаряясь пламенным накаляющимся пожаром, и свет буквально пронизывает все насквозь волной, хотя на самом деле — в видимости — лишь замечаешь мельком, как нагревается от мороза лампа, играя напряжением в проводах.

Следы тянутся мимо, вымеренные и ровные, точно отпечатки типографского штампа, исчезая вдали подсвеченными кляксами на асфальте, и ведут куда-то в центр, в более оживленные и людные места. Сны тянутся к людям, их питают чужие эмоции.

Свет, тепло, осколки чужих чувств, сквозящие в неприкрытых взглядах — все это дает жизнь, то самое, что умершим душам отчаянно хочется возвратить себе. Это, упущенное и запретное, что не может теперь не притягивать, увлекать манящим дурманом, который хочется вобрать в себя целиком и полностью, не оставив ни капли. Ведь это просто — нужно всего лишь заглянуть в глаза. Кому угодно — дальше уже однозначно будет все равно. И я не уверен — я просто знаю, — Она направляется сейчас именно за этим.

…Вакуум окружающего приходит в медленное волнующееся движение, дрожа и вибрируя, как потревоженное желе, вытащенное из холодильника. Перекресток. Обширное пространство, где пешеходный бульвар пересекается напрямую с

длинным гудящим проспектом, переходящим в оживленный такт исполосовавших его «зебр» и подземных тоннельных переходов. Одно направление пути здесь мгновенно разбивается на множественные закоулки: можно идти вдоль основного потока людей, можно углубиться в задворки, петляя подворотнями. Можно спуститься в метро — серая коробка входа туда, похожая на перевернутый спичечный коробок, торчит обособленно на противоположной стороне улицы, почти теряясь из виду на фоне гигантского бежевого здания крытого рынка. Возле него — небольшой пятачок недалеко от дороги, прикрытый прозрачным пластиком навес автобусной остановки и цветастые обклеенные бока окружения рекламных киосков.

С разрисованных пестрых афиш на меня неподвижно уставились глаза театральных и киношных героев — где-то среди них есть те, кого именно сегодня я так и не увидел, — с окружающих лиц, мелькающих рядом в районе куцей видимости — задумчивые незнакомые взгляды, рассеянно проходящие меня насквозь.

Люди курсируют мимо, сливаясь в непрерывное течение, расходящееся возле переходов, метро и пересадок общественного транспорта, чуть рассеивающееся в боковой стороне от ворот рынка, где двое грузчиков в комбинезонах перетаскивают внутрь партию прибывших контейнеров с продуктами. По правую руку от меня мигает огоньками вывеска аптеки, парикмахерской и кафе-мороженого, и везде, куда ни посмотри, толчется, движется и перетекает разреженная толпа.

Народ обтекает меня по сторонам — подходящих совсем близко я ловлю краем глаза, успевая вскользь отметить скошенные в толпе мутные силуэты в темных, искаженных этой реальностью разводах. Защитная стенка, не позволяющая прохожим натыкаться на меня в упор, прогибается внутрь при каждом прикосновении, сжимаясь и ответно вибрируя, и волны резонансом расходятся под ногами, заключая в тесный кокон, в котором становится труднее дышать.

Плохо быть Сном…

Я лихорадочно оглядываюсь по сторонам, пытаясь отыскать под ногами проходящей толпы знакомые выделяющиеся следы, но чувствую, как меня неумолимо, словно тягой течения, затаскивает в эту обтекаемую мельтешащую круговерть, и уже перестаю что-либо видеть по сторонам, кроме смазанных контуров чьей-то одежды. Окружающее не мутнеет, но мгновенно теряет качество, как плохо обработанная лента кинопленки. Как взвесью взболтанные со дна песчаные крошки и ил, от которых щиплет глаза и инстинктивно хочется зажмуриться. Придется

выбираться обратно, уходя в сторону — потому что при таких условиях я все равно никого и ничего не найду — и обходить перекресток и улицы с внешней стороны, хотя Она вряд ли выбрала окраинные пути. Она…

…Я внезапно замираю, точно приклеившись подошвами к мощеному тротуару, потому что вижу Дину возле одного из пешеходных переходов: торчащая над неоправленным вывернутым капюшоном светло-русая взъерошенная макушка, едва ли просматриваемая обрывками в мелькании пуховиков, пальто и сумок. Жалостливо прижалась спиной к мутной стене трамвайной остановки в шелушащихся обрывках содранных рекламных плакатов, несмело оглядывается по сторонам, одна в метре стойкого отчуждения вокруг.

Подбираясь ближе, я понимаю, что прав — она пришла сюда не случайно и не просто так: непонимающе-распахнутые глаза с зависшим на дне каждого из них большим знаком вопроса. Пытается ухватить проскальзывающие мимо нее чужие взгляды: возбужденные, усталые, раздраженные, хмурые, смеющиеся и робкие, жизнерадостные и — этой же самой жизнью — утомленные и выжатые в ноль. Полчаса такого смешанного коктейля — и даже обычного человека начнет укачивать от полученных противоречивых эмоций, а ее саму просто поведет от передозировки, так по-прежнему и не приблизив к желаемой цели. Нахвататься кусками и без разбора разного, не имея представления о том, как это переварить. Ее же счастье, что Дина в этом деле явно не мастер: большинство из взглядов, даже направленных в ее сторону, проходят скрещивающимися линиями над ее головой, практически не задевая. Даже вскользь — с ростом-то девушки это не удивительно. Да и место для такого выбрано не подходящее — тут нужен длительный и фиксированный визуальный контакт, а не мельтешащая людская мешанина, перебегающая через дорогу.

Я смотрю на Дину издалека, сквозь затуманенные темные стекла очков, в которых она выглядит иссиня-фиолетовой, внимательно следя за ее глазами, пока та не смотрит на меня, отвлеченная другими.

Глаза Снов похожи на лакированные оловянные бляшки: выпуклые и неподвижные, не имеющие собственного сияния, они блестят только в зависимости от того, сколько выпитых эмоций уже успели поглотить. Сколько они сожрали чужого, утянув его за собой в пустоту. Мешанина же в глазах Дины больше похожа на излучение прожектора — слабый луч, выходящий со дна зрачков и схлопывающийся внутри них в едва различимую светлую точку, дробящуюся бликами в прозрачной голубоватой радужке.

Это не похоже ни на что из того, что я видел раньше: ее глаза не тянут — стараются выпросить — то, что им необходимо, и они слишком — неправдоподобно — человеческие, в то время как сама девушка по-прежнему больше похожа на полупрозрачный скелетик листа, дрожащий от любого шороха и почти исчезающий, расплывающийся очертаниями в ярком свете. По ее лицу я вижу, что она ничего не забрала. Совсем ничего, даже из тех обрывков, что могла наглотаться в толпе. И абсолютно не понимаю…

…Дина прикрывает глаза, но светиться не перестает и покачивается задумчиво и плавно, в такт колыханию снегопада над городскими дорогами и крышами, а, когда снова медленно поднимает веки, на ее лице отображается смесь сомнения и уверенности. Сомнения в исходе какого-то решения — и уверенность в том, что оно необходимо. И это наконец заставляет меня очнуться…

Зажав пальцами прохладный металл метательного ножа, я так же — уверенно и с сомнением — медленно огибаю по дуге коробок остановки, чувствуя вялую стянутость движений, потому что защитная стенка, которую не замечают люди, стискивается и прогибается от их постоянных тычков и наталкиваний еще сильнее. Опять же — невидимый для всех остальных, за исключением самой Дины, которая тоже почему-то не замечает меня в упор, хотя я нахожусь уже всего в нескольких шагах от нее.

Хотя мое сердце стучит и бьется от волнения так, что кажется странным, почему вся улица не вздрагивает и не озирается испуганно по сторонам, пытаясь найти источник этих оглушительных ударов.

Дина стоит у края бордюрной полосы, слабо покачиваясь, будто от ветра, хотя в том пространстве, где она и я находимся, нет даже слабого на него намека. Зернистые от микроскопических трещин и пыли полоски вытянувшейся у ее ног «зебры» барашками волн убегают на другую сторону проспекта, теряясь и проминаясь под ногами людей, которые тоже бегут. Идут, торопятся, спешат, чеканят асфальт дробным звоном каблуков, сапог и теплых ботинок. С одного конца полосатой ленты на другой, мешая коричневую дорожную грязь, в которую превратился мой чистый утренний снег, выпавший еще с ночи. А Она все стоит на своем месте, напряженно замерев, и чего-то ждет, опустив голову так, что отдельные прядки светлых волос склеенными, влажными от налипшего снега концами падают на лицо, закрывая курносый нос, потухшие губы и ее взгляд, прожигающий пронзительными серебристыми лучами даже сквозь сомкнутые веки.

А я опять, как дурак, оцепенело пялюсь на нее со стороны, нерешительно пытаясь подавить жалостливый плотный комок, подступивший в сердце. Жалость — плохое чувство.

Это наше третье Правило.

Каким-то краем слуха, еще оставшимся в моем внимании, я слышу внезапно и издалека, как сквозь комковатый синтепон, забившийся в ушах, тренькающий поторапливающий звуковой сигнал светофора и — за какие-то полсекунды времени в реальном мире до того, как загорится «красный» запрещающий раздраженный свет — замечаю что-то странное.

Подсвеченная по контуру, словно обведенная голубым крошащимся мелком, фигурка Дины вдруг стремительно темнеет, превращаясь в размытую тень, которая сливается с живыми человеческими тенями, проваливаясь в реальность — выпадает за восприятие моего взгляда, проявляясь слишком материально и весомо, но в том мире, где по всем Правилам ей места больше нет. И не может быть.

Чертыхаясь неряшливо и вслух, я кидаюсь следом, уже не особо заботясь о том, как могут отреагировать окружающие прохожие на буквально проявившихся на их глазах из воздуха двух людей. И все еще продолжая машинально и по инерции сжимать в руке то, чем опять не успел, не сумел — и не решился воспользоваться.

Весь настрой обращается прахом, и с какого-то момента, переходя невидимую грань двух слоев реальности, я уже снова вижу мир ярким сине-фиолетовым и серебряным от не растоптанного снега ночным цветом. И вижу еще, как Дина стремительно выскальзывает — выпадает, нарочито качнувшись вперед и не удержав равновесия, — на дорогу, прямо по ходу уже разогнавшегося автомобиля…

Этот перекресток непростой. Здесь часто бывали раньше происшествия, о которых показывали в новостях, и аварии транспорта, и несколько случаев с пешеходами, но все это было не нарочно — по чистой случайности, велению судьбы или каким-то другим причинами, но НЕ преднамеренно.

А Она?.. Она-то куда?!.

…Я прыгаю вперед еще раньше, чем успеваю об этом подумать, и — это кажется абсурдом, но время будто все еще движется для меня растянуто — успеваю выбить ее собой с линии удара. Сзади и над головой оглушительно давит на уши резкий пробуксовывающий хруст и скрип вдавленных до предела тормозов, слышатся изощренная трехэтажная ругань и ор, а мы оба валяемся, растянувшись, поперек дороги, протирая одеждой грязь. Сияние взорвавшихся светом фар двумя лучами бьют в

асфальт, подсвечивая еще ярче снег, искрящиеся разводы, влажный переход и сыплющиеся вниз все новым и новым дождем сверкающие искристые колючие снежинки.

Я неудачно и неприятно провезся щекой, но почти не чувствую саднящего покалывания на порезе и холода, а она… Она смотрит на меня, нависшего над ней на локтях практически нос к носу, в упор и бесстрашно. Уже не так, словно видит в первый раз, с осмысленностью оторопело вглядываясь в лицо. А я сам впервые понимаю, что на самом деле вижу теперь в глазах Дины — замечал всегда, еще с самой первой встречи, — но почему-то до сих пор не мог определить название.

Этому слабому, таящемуся, притухшему от нескончаемого страдания — но по-настоящему ЖИВОМУ.

Я вижу надежду…

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
«I want to live»
Антон, двадцать минут спустя

Большинство наших дворов в городе похожи на угловатую квадратную скобку, отделенную от внешней улицы боками домов, а от ответвляющегося обходного переулка — загородкой глухих ворот, а оттого они и почти одинаковы…

Этот я никогда раньше не видел — мы нашли его случайно, завернув каким-то петляющим маршрутом с оживленного проспекта в эту глушь, — но от своих соседей-собратьев он мало чем отличался внешне. Разве что только густым переплетением посеревших строительных «лесов», прилепившихся к одному из фасадов; ветер, затерявшийся в лабиринте подворотен и стен, удовлетворенно и рьяно полоскал прицепленные к шатким реям лохмотья укрывной зеленой сетки. В нашем городе — особенно в черте исторической застройки — постоянные затяжные реставрации представляются вполне обычным делом. Все эти балюстрады, волюты, барельефы и балясины и еще куча трудных к запоминанию понятий, отличить которые друг от друга может разве что только очень искушенный эстет.

— …Так как, говоришь, тебя зовут?.. — я сижу на расчищенных от снега, плотно подогнанных досках рассохшейся колодезной крышки — старая конструкция, похожая на короб, одиноко торчит в дальнем углу двора, прикрытая угловатым пересечением металлических листов, сползших с одного бока в наметенный сугроб. Странное явление в современном дворе, но таких банальностей, как трансформаторная будка или сторожка КПП, у нас как раз «днем-с-огнем». И смотрятся такие, если отыскать, достаточно дико…

Дина не отвечает, задумчиво уткнулась щекой в гриву уснувшему льву, временами лишь поглаживая того между заложенных ушей. Бронзово-черная тяжелая махина, засыпанная до живота снегом, притулилась к решеткам забора, подобрав под себя могучие лапы и обвив тело хвостом, и даже спящим выглядит сурово и грозно. Дина нежно водит у него по голове, присев на золотистый скользкий бок зверя, сама в капюшоне немного смахивающая на львенка. Отстраненная, но, я чувствую, она меня слушает. Очень внимательно.

— Мне нужно знать… для отчетности, — пытаюсь говорить спокойно и сдержанно, налаженным голосом фиксируя между

нами дистанцию, хотя внутри меня всего трясет, и я впервые за всю жизнь жалею, что не курю.

Так можно было бы хоть чем-то занять руки. Но вместо этого я нервно дергаю и тереблю в онемевших от мороза пальцах вытянутый из-за подкладки кармана Ловец снов — свой профессиональный оберег-накопитель. Говорят, он может хранить и передавать по желанию владельца вложенную туда кем-то изначально энергию и силу, которые могут помочь в экстренном случае. Пусть поможет.

Не мне.

— Дина… Кукушина, — она щурится на меня, словно на яркий свет, как будто пытаясь углядеть что-то среди темных стен за моей спиной или наоборот — высмотреть это во мне самом, какой-то ответ на то, чего понять сама отчаянно не может. А я вру. Мне не нужно имя. Ни для какой отчетности, потому что той не будет вовсе.

За спиной девушки тоже щурится — окнами — еще один дом на другой стороне переулка, словно пытаясь разглядеть что-то над золочеными пиками тяжелых чугунных ворот, задвинутых на ночь. На его фасаде еще больше зарослей лесов и строительной сетки, часть из которых затянута наполовину оторванным маскирующим полотном с макетом того, как все будет выглядеть после ремонта, и мне скучно и почему-то очень неприятно это видеть. Эту прикрытую безжизненность. Но я смотрю на саму Дину, зацепляя взглядом панораму вокруг нее.

Напитавшимся энергии Снам не сделаться снова живым, это факт. Но если отдать несколько частиц добровольно, то можно постараться ненадолго облегчить их участь. В моральном плане, само собой. Поэтому я стараюсь держать с ее глазами непрерывный зрительный контакт.

Снег тает в моих ладонях, но помимо этого я чувствую тепло извне, даже сквозь перчатки, хотя внешне с амулетом не происходит решительно ничего.

Кажется, работает…

* * *

…Говорят, ты сам либо оттаиваешь постепенно, потихоньку цедя из себя размороженный холод, либо не оттаиваешь вовсе. На протяжении последних двух лет я даже не смел помыслить, что мне снова когда-нибудь сможет понравиться девушка.

Так понравиться…

Моя настоящая любовь была не первая. И даже не вторая,

хотя я по юности возлагал на нее большие надежды тоже. ОНА вторглась в мой мир, среди бесчисленных платьев, юбок и разноцветных кос, зацепив мое внимание драными на коленках джинсами и короткой топорщившейся стрижкой. Мы были похожи — не идентичны друг другу, как предполагала бы банальность, но сходны на том странном, глубинном и не ощущаемом уровне, когда начатые кем-то мысли договариваешь за другом вслух.

А еще в ней была странность — какое-то слабое, мелькающее непроизвольно и временами ощущение нереальности и загадки, которая притягивала меня к ней со страшной неудержимой силой и которую я все не мог никак разгадать. Она уверяла, что и во мне есть нечто похожее — то, что невозможно определить словами. Ничем, кроме ощущений и интуиции, какая-то особенность.

Впрочем, свою странность я в скором времени раскрыл. С лихвой…

Это случилось два года назад, буквально за неделю до Ее дня рождения. Моего дня. Нашего.

В самый разгар городской запоздалой весны, расплескавшейся брызгами изумрудно-желтой краски под ногами.

Я помню то утро, будто оно был вчера: тополиный пух уже который день гроздьями осыпал металлические крыши, солнце, поднявшееся чуть выше обычного в небе, которое тоже было чуть прозрачнее и светлее, чем обычно, уже припекало ощутимо и ясно, словно разогретый калорифер, вышедший из-за пасмурных туманных облаков, которые висят над городом две трети сезона.

На территории просторного сквера зеленели между дорожек дубы, ловя листьями долгожданные тепло, запах пропеченной речной соли, впитавшийся в стены, и яркий свет, высветливший все вокруг до предельной сияющей чистоты, скрадывая все мелкие потертости и отпечатки, наложенные временем. Делая их скорее плюсами, чем дефектами.

Ветер, освобожденный наконец от облачной ваты, дождей и растаявших сугробов, продувал улицы насквозь, накреняя порывами уютные домики на бока, а вышедшая из берегов река казалась серо-стальной от солнца и переливающейся в лучах, как ртуть.

Только во дворах, там, где крыши смыкались между собой почти вплотную, оставляя лишь узкий просвет мощеных выметенных ветром переулков, было по-прежнему тенисто, свежо и тихо. И где-то среди этих дворов был и Ее: такой же сумрачный, влажный и сонный, и все потому, что звуки, доносящиеся с близких улиц, проспектов и реки, здесь терялись в переплетении

оконных рам, козырьков и гулких обваливающихся дымоходов вперемешку с водосточными желобами. А за коньками крыш гнездились крикливые чайки, весь день кружившие над городом белыми сияющими галочками в небе, прилетевшие откуда-то вместе с покачивающимися у причала боками пришедших издалека больших кораблей.

…Я встретил ее, даже не доходя до ее дома: светлый изогнутый силуэт в угадывающихся еще издалека любимых порванных джинсах и майке скользнул с освещенного бликами зеленого двора через приоткрытую калитку, удаляясь в противоположную сторону какой-то странной, непривычной и не свойственной ей перетекающей, заторможенной походкой. Как будто каждый раз старательно выбирая, куда удобнее всего поставить ногу.

В испарившихся лужах вчерашнего дождя расплывались каймой и смазанными кругами пыльца и березовая шелуха сережек, наметенная ветром с ближайших парков в закоулки дворов и на гранитную набережную. Коричневые сухие чешуйки ломко похрустывали под ногами, и сам звук шагов, казалось, звенел, стучал и ухал, отдаваясь от приближенных к друг другу стен и перекатываясь далеко вперед, отраженное окнами, но она меня не слышала. И, самое интересное, я не слышал ее тоже.

Как мираж…

— Вик, привет!..

Ускорив шаги, я в пару секунд оказался рядом, поравнявшись с ней, но все еще оставаясь в не поля видимости, и уже хотел осторожно коснуться ее плеча, желая обнять, но…

…Она развернулась ко мне резко, кажется, еще даже до того, как мои пальцы коснулись ткани футболки. Застывшая, темная, как немая рыба с остекленелыми глазами. Слепой жалостливый взгляд пусто уставился мне навстречу, словно проходя насквозь — печально-влажный, с запекшимися следами слез по щекам и припухшими веками.

Я помню взгляд Вики — пронзительно-зеленые глазищи, вечно огромные от восторженного, жизнерадостного восхищения, с которым она смотрела всегда и на все. На всех. Потому что не умела — и не могла по-другому, не хотела.

Но тогда, глядя в любимые, вечно сияющие счастьем глаза, встретил в ответ лишь мутную блеклую темноту, утягивающую в себя, поверх пленки безъясной нефтяной мути. И каждое движение тела — такого знакомого и нежного — сейчас казалось сломанным. Отрывистым. Резким.

Незнакомым…

— Я ждала… Я так тебя ждала… — синевато-бледные,

обветренные тонкие губы шелохнулись, словно в такт неожиданному порыву ветра, долетевшего с набережной, и Вика вся подалась мне навстречу, пытаясь сделать шаг и протягивая руки. Но в расширенных, крупных, неестественно блестящих зрачках, несмотря на слова, не читалось никакого намека на узнавание — только рассыпавшиеся осколками полыхающие искры, похожие на искры безумного сумасшествия.

— Вик… — я внезапно и резко отпрянул, отшатнулся назад, уворачиваясь от растопыренных пальцев, но сам все еще не осмеливаясь опустить руку, протянутую навстречу. Нерешительно.

Непонимающе.

Родные, но не знакомые сейчас глаза пронзительным острым скребком прошлись по мне целиком, неподвижно и хладнокровно, словно ноготь, упорно отколупывающий от стены засохшую штукатурку, и я почувствовал, как в груди, глубоко — неразрывно и крепко связанное с этим пульсирующим тугим взглядом, — с хрустом надломилось и треснуло что-то. Будто раскрошилось тонкое стекло, впиваясь осколками. Грубо — и мучительно медленно, сковывая холодной дрожью, как тянется, пульсирует, дергается и ноет оголенный зубной нерв. Только в десятки раз хуже…

— Я ждала…

Глазные яблоки как два стеклянных шарика с круглым провалом в том месте, где должна оказаться радужка. Неподвижные и жесткие, хрупкие, как разрисованные протезы механической старой куклы на заводном механизме. Она повторяла это все так же — все одно и то же — исступленно и жалко, на одной ноте, покачиваясь из стороны в сторону, будто желала приблизиться, но упорно не могла, а я чувствовал, что каждое ее движение перекрывает мне доступ воздуха. Буквально.

Усиленное ощущение зубной тянущей боли медленно спустилось к пальцам, обрываясь у кончиков ногтей и оставляя на своем месте лишь пронзительное онемение, холод и неподвижность, сковывающие, сжимающие тело в каком-то мерзлом, стылом оцепенении, и сознание плавно начинало уплывать в темноту. Как мне казалось, навсегда.

Мир подернулся пустотой, рассеиваясь, рассыпаясь перед глазами, словно темные бусины, соскользнувшие с нитки, и заплясал осколками под ногами, пронзительно звеня и покрываясь мутными пятнами. Окружающее вздрогнуло и скомканно сжалось, собираясь рябью, в которой мгновенно потонул весь солнечный день, накрываясь тьмой. Я попытался дернуться в сторону, но неожиданно сам для себя упал на колени,

ударяясь о мощеные камни тротуара — песчаная крошка хрустяще заскрипела под ладонями, норовя опрокинуться под взглядом набок, но что-то словно держало в поле зрения застывшие напротив и сверху неподвижные неживые глаза, притягивая, как на поводке. Я и сам не мог отвести взгляда, как ни старался…

Взгляд еще выхватил на какую-то короткую секунду мутнеющую картинку, заваленную набок, в плоскость асфальта, в то время, как я сам уже давно прижимался к нему щекой, чувствуя, что срастаюсь с ним воедино. Носок бежевой замшевой балетки с перекошенным полосатым бантиком на ноге — красивой тонкой спортивной ножке — уткнулся острым углом в висок, но самым краем глаза я все равно заметил какое-то смазанное, будто замедленно по кадрам, расплывчатое движение на заднем плане протянувшегося по прямой линии сквозного переулка.

И услышал призывный резкий крик, резанувший нестерпимо по ушам, взметнувшийся разом и громко, чтобы неожиданно опасть на полуноте. А следом — между всполохом незнакомого голоса и отрывистым, стремительным движением приближающейся тени — пронзительный тонкий визг прямо над головой, переходящий в странный — страшный — сдавленно-влажный хрип.

Тонкая худая ножка в светлых джинсах у моего лица коротко вздрогнула, то ли от судороги, то ли переступая с места, и стала медленно отклоняться в сторону, теряясь из расплывающегося ракурса. Я помню тишину — пульсирующую, звенящую в ушах тишину в промежутке между тем, как что-то безвольно и тяжело повалилось рядом со мной на тротуар, как натянутая нить, связывающая меня с ней, резко и отрывисто лопнула, туго отхлестывая концом мне по щеке, и внезапно почувствовал, что снова могу вздохнуть.

Перед глазами оживленно заплясали, сцепляясь парами и опять распадаясь врозь, плоские засвеченные цветные круги, мешающиеся кашей, но даже сквозь нее я сумел разглядеть подошедшего незнакомца…

Молодой парень чуть больше двадцати пяти лет; в простецких для его внешности голубых джинсах и длиннополом свитере с воротником-хомутом, плавной, скользящей, как у пантеры, походкой приблизился ко мне и выжидающе замер, все еще продолжая сжимать что-то в правой руке. Спокойно. Уверенно так.

Это «что-то» было опасно и напрочь отдавало Средневековьем — с таким не разгуливают по городу в двадцать первом веке. Это

же…

— Забирай, — не оборачиваясь, бросил кому-то другому через плечо, не сводя с меня глаз, хотя кивал на самом деле на что-то, лежавшее у моих ног. Острое моложавое лицо с такими же резко очерченными чертами, доведенными до почти гротескной выразительности. Светлые волосы, нос с породистой горбинкой, сглаживающей угловатость, нетерпеливый пронзительный самоуверенный взгляд. Такие обычно очень нравятся девушкам.

Конечно, не всем. Вике бы точно нет…

— Отдел доставки? — молодой человек усмехнулся весело, игриво и как-то хищно, заглядывая мне в лицо, но одновременно с этим будто насквозь. Развернулся вполоборота, шаркая мыском ботинка по брусчатке.

— Не ври, нет такого Отдела!.. — низкий раскатистый голос кого-то второго эхом прошелся над головой, стирая и перемешивая напрочь значение всех произнесенных слов.

Грузный и резкий, в складчатом распахнутом широком пальто, под которым — какие-то заношенные коричнево-зеленые штаны и невразумительный толстый свитер той же темной расцветки; сам весь жесткий, заросший и кудлатый, как Карабас-Барабас из детской книжки. Маленькие темные глаза я увидел, только когда оба оказались совсем близко, наклоняясь над чем-то, лежащим на земле возле меня, и в то же время по-прежнему продолжая меня упорно не замечать. Даже не цепляя взглядом.

— Вроде не тяжелая… — непонятно, кому из этих двоих принадлежала фраза. Кажется, все-таки блондину.

Неожиданное осознание значения всех этих «что-то» и «чем-то» всколыхнулось у меня в голове пронзительным обжигающим ужасом, выстрелом отдаваясь в виски, и я резко дернулся, попытавшись вскочить, но левую ногу внезапно свело жестокой судорогой, заставив повалиться обратно в попытке сложиться от боли пополам. Темнота снова подкатила к глазам, стараясь укрыть пологом беспамятства, но я отчаянно отгонял ее от себя.

— Убийцы!.. Гнусный убийцы! Душегубы… — я скрежетал зубами и то ли хрипел, то ли плакал, перемежая слова срывающимся шепотом и пытаясь отыскать взглядом их лица, чтобы заглянуть в глаза. Чтобы они сами увидели эту ненависть.

Ощущение накатывающей темноты с каждой секундой крепло внутри, пуская корни, пронизывая насквозь, и я практически не чувствовал ничего вокруг, не воспринимал физически, словно в одно мгновение парализованный. Только под сердцем, в глубине, черствела и стремительно расползалась внутри, затягивая в себя, тугая, пульсирующая пустота, черно-бурая кровавая испепеляющая сепия, наконец получившая надо мной власть. И

казалось, что даже просто пошевелить пальцами — безумно трудно. Да и есть ли смысл?..

— Он нас видит? — киношно-экшеновый вопрос прозвучал с таким пронизывающим его искренним удивлением и замешательством, что в лице произнесшего его молодого парня практически переставал звучать банально.

Темный силуэт, наклонившийся надо мной сквозь склоку темноты и пятен, внезапно подернулся странным туманом, похожим на мелкую рябь, очерчиваясь яснее и как будто объемнее, словно проявляясь в реальность, хотя я уже не мог ручаться, что мне это не почудилось.

Последнее, что я услышал, произнесенное над собой прежде, чем окончательно провалиться в темноту, это: «Значит так, забираем с собой в штаб, пусть там разбираются. Этот, кажется, не совсем простой и явно не пустышка…»

Так я приобрел свою профессию…

* * *

— …Я знаю, что со мной случилось… — я снова прихожу в себя, только когда Дина оказывается напротив, совсем рядом, а ее маленькие, красные, словно от мороза, ладошки крепко сжимают мои руки, и я сам даже не могу пошевелиться. Рассеянный в сумраке дом шевелится за ее спиной и беззвучно стонет заплутавшим между перекрытиями ветром, покачивает обтрепленными парусами сетки, норовя коснуться ее волос, но натыкается неумело на чугунную решетку ворот, откатываясь назад. Стены заброшенного корпуса обнимают за плечи, укрывая от фиолетовой темноты. Нас. Только нас одних.

— Я же помню…

Помнит она!.. Еще один «неординарный случай», чья-то ошибка, не обусловленная Правилами, которые придумывались вовсе не ради тех, кто просто ХОЧЕТ жить. Просто быть прежним, просто любить тех, кто любит их, и быть с ними рядом, просто радоваться этому.

Ради тех, кто остался самим собой, остался подлинным и настоящим, но просто где-то немного не успел и чего-то не нашел. Не смог уйти.

Снег падает с темного неба, затягиваясь просветом домов, как воронкой, и ложится на не сбитый ногами снег двора, медленно присыпая одну единственную протоптанную по нему дорожку, от ворот до отмостки колодца. И… другую — от скульптуры, незаметную и совсем короткую, едва ли на несколько метров.

Мою ли?..

И на самом бронзовом льве сугроб сбит и разметался под тяжелыми лапами рассыпчатой холодной крошкой.

Я чувствую прикосновение пальцев Дины к своей щеке, в том месте, где остался запекшийся след царапины, которая почти не болит, но теперь обволакивается горячим теплом, и все только потому, что дотронулась она.

Киваю не понятно к чему, молча закусив угол губы.

— Ты должен от меня избавиться?.. — киваю еще раз, понимая, что она и так обо всем уже догадалась. «Отдел Снов…» — сколько раз я уже произносил при Дине эту фразу?

Я стискиваю пальцы, пытаясь убрать от себя ее руки, но она держит, упрямо не выпуская. И все смотрит в глаза — внимательно, понимающе и сочувственно, — а я пялюсь куда-то вбок, позабыв о зрительном контакте. Впрочем, она ведь и так меня видит.

Наверное, я бы многое отдал, знай заранее, чтобы оказаться сейчас с ней вот так: глаза в глаза, два лица напротив друг друга, отделив и разграничив весь мир надвое и поровну, — но еще большее бы пожертвовал, если нам можно было не встречаться друг с другом вообще. Чтобы я не встретил ее ТАК. Но тогда Дину нашел бы кто-то другой, из нашего же Отдела, и это было…

— …Но не хочешь, — еще один кивок, похожий на встряхивание. Я сижу на краю колодезной крышки, медленно покачиваясь.

…убийство. В первый раз умирает тело, во второй мы убиваем душу. Двойная смерть — это, по сути, тот же Переход. Только не в новую жизнь — просто в никуда. Я там не был и не знаю. А те, кто был, рассказать уже никогда не смогут. Но за этой гранью — схлопывающаяся вечность, самое последнее место, где ты можешь оказаться. Абсолютный невозврат и нежизнь.

Я не желаю ей этого… и не хочу даже смотреть на нее сейчас, потому что понимаю, что бессилен. Но то, что происходит с ее глазами, внезапно заставляет меня вздрогнуть…

Во взгляде Дины — живая бездна и странно живые плещущиеся мысли, похожие на китов. Она опускает веки, и океан светло-голубых глаз заливает волной, бьющейся об острые, мокрые скалы ресниц. Она плачет.

Еще ни разу, никогда в жизни и за всю свою работу я не видел, чтобы Сны плакали. Они реагируют как угодно, но только не так. Потому что слезы — это боль. А боль — главное доказательство того, что мы живы…

— Я помню, как умерла, — без пауз и заминок, ощущая всю странность того, что она говорит, и причин, почему вообще это

делает. Это должен был быть конец. Абсолютный. Рай, ад — что угодно, но только другое, как нам всегда говорили. Не похожее на прежнюю жизнь, неземное.

Неземное.

А выходит только совсем иначе…

— Уже почти пять дней я пытаюсь понять, что происходит. Меня никто не замечает, даже не видит просто, мои друзья проходят мимо, так, будто меня вообще нет, но я ведь еще ощущаю, еще чувствую себя, хоть и это тоже странно. Я не понимаю, что вокруг… как это все… А потом эти двое. И ты… Почему вы… — Дина не договаривает, оставляя вопрос отчаянно повисшим в воздухе, но этого и не нужно. Все и так ясно: почему? вы? меня? видите?..

Влажные глаза с беспомощным, обезоруживающим изломом полупрозрачных век смотрят пристально и отчаянно. А у меня перед взглядом проскальзывает воспоминание о том, как я заметил их в первый раз — да так и не смог больше забыть. Ни на минуту. Пусть и сам себе тогда не верил.

Я смотрю на нее, замечая в движениях и жестах Дины медленную отрывистую резкость, отражающую на самом деле то, чего она сама почувствовать не может, но что происходит с ней непрерывно — безропотные колебания загнанной и потерянной души. Возможно, она и смогла бы найти свой путь — еще в том промежутке времени, когда у нее был выбор, — но что-то удержало ее здесь, притянуло, заставив остаться. И продолжает удерживать до сих пор, не позволяя успокоиться. Не позволяя найти выход.

— Мне казалось, что это должно прерваться рано или поздно. Что у всего МОЖЕТ БЫТЬ окончательный финал, и еще — что если попытаться умереть здесь, повторно, то дальше уже точно ничего не будет. Это ведь было так легко на словах и на мыслях, и я была почти уверена, что ничего не получится, но нужно было просто… — она покаянно замолкает, опуская на мгновение взгляд к своим ногам, точно не веря.

…просто сделать шаг вперед, на проезжую дорогу. Ты права, девочка. Совершенно права. И, наверное, сама об этом знала.

— Только сейчас я понимаю, что не хотела — все равно ведь не хотела этого, несмотря ни на что случившееся. Но все бы произошло, если не…

…Мне говорили, Смерть обнажает все самые скрытые качества нашей души. Выявляет ее пороки и изъяны, изменяя нас до неузнаваемости, чтобы дать возможность победить это в себе. Чтобы дать шанс на что-то новое, более чистое и правильное.

Но что делать тем, кому этот шанс вообще был не нужен?..

Что-то вспыхивает у меня в голове, что-то странное. То самое, что я старательно, но тщетно пытался выскрести из всего увиденного, подмеченного и узнанного и что каждый раз упрямо сливалось с мелькающим снегом под ногами и растворялось в пятнах вечно зажженных слепых фонарей.

Подруга в торговом комплексе, почему-то в упор не замечающая ее на расстоянии нескольких шагов — и, между тем, двое отморозков из переулка, проявившие к девушке свой нездоровый интерес, хотя, по всей логике, тоже должны были пройти мимо. Обычная нематериальность Сна к прикосновениям обычных людей — и, самое главное, то, как она странно, внезапно и необъяснимо вдруг «поплыла» у меня перед глазами, проявляясь — действительно проявляясь — в реальный мир из тусклой, замедленной и серой своей параллели, выпадая вперед на дорогу.

Я вспоминаю это кадр за кадром.

Я знаю, как называется такое состояние, хотя раньше никогда не видел сам, — Дина «мерцает». Так случается, когда что-то сильно удерживает Сон в мире живых: отчаяние и любовь близкого человека или же какое-то свое незавершенное дело, но и то, и другое в общем счете не дает душе полного покоя. Не отпускает от себя, и на какие-то промежутки времени эта связь может достигать такой прочности, что позволяет еще не перерожденной сущности на короткое время снова проявиться, буквально материализоваться в привычном мире.

Я вспоминаю это, и теперь все неожиданные вопросы становятся для меня ясными. Кроме одного: что — или кто — так упрямо и отчаянно могло удержать ее на Земле?..

— …ты, — Дина договаривает фразу, выдыхая ее облачком пара на морозном воздухе, а я опять вздрагиваю.

Какой-то особый случай, должный иметь тоже — какой-то особенный — выход… Я помню, мне рассказывали нечто подобное во время прохождения первичного обучения. Я записывал даже. Не отучился тогда еще, всю жизнь что-то писал: сначала в школе, потом — в институте, по окончании которого еще несколько лет сохранял-таки привычку конспектировать по привычке все мало-мальски полезное и нужное. Оно должно быть где-то в квартире, в ворохе того хлама, который я не разбирал уже полгода. Иронично, но именно в нем может скрываться решение всего. Должно. Просто обязано.

Потому что невозможно, если что-то хочешь сделать не для себя и во благо, чтобы не было шанса отыскать решение. Всего лишь помочь…

Неожиданно даже для себя самого, я стремительно

наклоняюсь вперед, наполовину свешиваясь со своего насеста, боясь передумать или застынуть на половине движения, и поспешно вытираю Дине дорожки слез под глазами, размазывая их по щекам подушечками больших пальцев. Стараясь вложить в это больше нежности, хотя мои руки в обрезанных грубых перчатках не привыкли к подобному, но сейчас они горят. От одного только прикосновения, этого немного скупого прерывистого жеста. Я сам горю — от чего-то неопределенного, терпкого и жгучего, и еще от того, что хочу ее спасти. Верю, что могу это сделать.

— Нужно узнать кое-что важное. Это может помочь. Пошли… — объясняю, еще не слишком понимая, чего в этой последней части фразы больше — утверждения или вопроса.

Я опираюсь о край чуть сдвинутой сколоченной крышки, зачерпывая в ладони разворошенного вокруг себя снега, и, оттолкнувшись ногами о бетонное кольцо колодца, стремительно соскальзываю вниз, понимая во взгляде Дины качнувшуюся волну тревоги и удивления и заставляя ее невольно посторониться.

Я чувствую неловкость и не знаю, куда деть взгляд, а сама Дина смотрит на меня с хрупкой доверчивой нежностью, обмануть которую — все равно что убить душу, и становится страшно, но в действительности же чувствую я совсем другое…

Я ощущаю нестерпимый жар, поднимающийся во мне самом, и суетливо спешу, желая ухватить уползающие минуты за хвост, потому что подозреваю, что именно это и необходимо сейчас. Пока мы выходим со двора, тепло медленно охватывает меня полностью, концентрируясь пульсирующим биением крови в ладонях, будто в детстве, после игр в снежки без варежек. И поддаваясь этому внезапному и странному порыву, я неожиданно даже для себя самого я, не глядя, осторожно и медленно протягиваю руку в сторону, на ощупь отыскивая маленькую ладошку Дины, и переплетаю ее пальцы со своими.

Она что-то тихо произносит в ответ, но за гулом бешено колотящегося сердца я не различаю ее слов. Однако слышу другое — странное, слишком неправдоподобное, нереальное и неожиданное, чтобы это вообще могло быть: я слышу, как тихо похрустывает свежий снег под ее ногами, отмечая позади, на земле, темную витиеватую дорожку, идущую рядом с моей…

* * *

Все локации моих дежурств похожи друг на друга, и я не понимаю, в чем их смысл, и, наверное, никогда не пойму…

Мой маршрут всегда безумен: он вьется и чертит улицы косыми перекрестьями, нередко натыкаясь на собственные оставленные там когда-то следы, пересекает проспекты, подворотни, закоулки и одинокие дворы, прокладывая пути окольные, прямые и изворотливые, за которыми я не слежу вовсе и которых практически не замечаю. Но, даже не смотря на это, в большинстве случаев я умудряюсь находить верную дорогу туда, куда мне нужно, очень быстро. Хотя и понятия не имею, как…

…Серо-седой обшарпанный дом, укрывшийся многослойными пластами теней, будто темной ворсистой шалью, снова сурово хмурится, подмяв под себя складками такой же серый безжизненно-пустынный двор, заключив его собой по краям. В темноте, сизо-фиолетовом непрозрачном сумраке, слишком похожем на другой — мертвый — слой реальности, я снова слышу, как он старчески хрипло вздыхает дымоходами и щелями, втягивая внутрь себя холод и скрипящий, как крупинки песка на зубах, снег.

Квартира встречает меня застоялой затхлостью и гулкой, звенящей тишиной пустых комнат. Вокруг темно, но я ориентируюсь в этой темноте так, будто прожил здесь всю свою жизнь, определив, зафиксировав и обмерив каждый квадратный сантиметр пространства. Душный длинный коридор, упирающийся краем в незаметную темную прихожку, сворачивает двумя разбитыми лучами за ответвления коротеньких поворотов. Двумя прямоугольниками с противоположной стены пялятся на меня двери ванной и туалета; в кухне за правым поворотом еле слышно гудит, отдаваясь мелким дрожащим рокотом холодильник. За поворотом влево — моя комната.

В полутьме, пока глаза еще привыкают к отсутствию яркого освещения, все предметы кажутся одинаковыми.

То, что мне нужно, лежит забытым где-то в дальнем углу, возле холодного хребта батареи, между съехавшей набок стопкой древних ветхих журналов, вешалками от одежды и ворохом ее же, сваленной в беспорядке у стены. Куда я целенаправленно и иду, скинув куртку прямо на пол.

Промежутки между металлическими полосками жалюзи на окнах пятнают росчерки светло-голубого, похожего на лунный, света, распадающегося тенями на вытоптанном сером ковре возле дивана. Ночные фонари живут своей жизнью.

Так мне иногда кажется.

Перетекая из движения в движение, я замечаю краем глаза, как остановившаяся в нескольких шагах позади Дина цепко смотрит на него, несмело потянувшись серебристому сиянию навстречу, и мне опять становится страшно. Но, может, ей просто

нравится сияние фонарей. Свет, снег, снежинки — как тогда, у моста?

— Это похоже на нитки, — неожиданно произносит она, глядя все в тот же располосованный светом прямоугольник на уровне ее груди. — Как будто я вся сама окутана плотными нитями. Как коконом, который тянет, расползается в разные стороны, и получается, что либо тянет он, либо — ты, во благо, но будто отнимая что-то у других, так?..

Я вздрагиваю, услышав ее слова, на миг замерев в полудвижении на месте.

— Либо я, либо — меня. Я чувствую, сейчас «меня», но чувствую так, как будто… как будто я возвращаюсь. Что это?..

Хотелось бы мне знать…

«…Определенное значение в сфере влияния на открытие Перехода оказывают сохраненные к началу трансформации энергетические связи, образованные в материальном мире…»

Ничто не уходит безвозвратно. Несмотря на любые доводы, в мире нет — и никогда не существовало — абсолютно ничего, вырванного из контекста, чего-то, что не могло бы оставить за собой следа, напоминания, мелкой весточки для тех, кто будет после.

Наши жизни похожи на полотно: и, уходя в другие миры, каждый из нас не выпадает бусиной из общей цветной мелкой кучи — он остается дыркой в плетении там, где должен был быть его узелок, но теперь расползаются стрелками соседние нити, затрагивая окружающее. Разрушая его…

Толстый, неплотный блок тетради в простой, кожано-резиновой обложке малахитового цвета, с загнутыми, пообтертыми в стопке краями клетчатых цветных листов, наконец у меня в руках. Я листаю его, пробегая глазами страницы, в полутьме, повернувшись спиной к окну, и, минуя листы с вклинивающимися неразличимыми графиками и сочными пометками маркера на полях, с трудом продираюсь сквозь закорючки собственного почерка, наклонных букв и объеденных сокращений:

«…У каждого индивидуума, помимо непосредственной его связи с источником определения дальнейшего перерождения, остаются еще и энергетические нити влияния, накопленные в течении прошедшей жизни при взаимодействии с другими живыми объектами.

Характеристика связей определяется их активным или пассивным характером, но, в той или иной мере проявляемой силы, их неизменным свойством остается противонаправленное влияние к силам открытия Перехода…»

Душа бестелесна — это факт. Такой же факт, как и то, что по ее уходу в человеке не остается ничего, кроме материальной оболочки. Уходит главная его составляющая, его сущность, оставляя тело лишь достоянием земной материи.

Но это не так.

Потому что душу, вопреки распространенному мнению, невозможно разделить на части: ее можно только украсть — целиком и полностью. Но ты сам — только ты — можешь добровольно отдать ее по частицам: рассеяться в душах друзей, близких, родных, подарив каждому по крупице настоящего себя, своей истины, и, возможно, получив такой же ценный подарок от них самих.

И, покидая этот мир, мы вовсе не уходим из него полностью, не исчезаем без остатка, оставаясь навек лишь в живых сердцах тех, кому были дороги, и тех, кто был дорог нам. Так о какой же Смерти может вообще идти речь?..

«…Предельное усиление подобных связей может привести к достаточно редкому феномену „мерцаний“: невозможность полного Перехода и скачкаобразные, хаотичные, недолговременные провалы из одного — переходного — состояния в другое — прижизненное, — сохраняя в каждый промежуток поочередно признаки обеих групп…»

Причины, по которым Сны иногда застревают в промежуточном состоянии не активные и вовсе не пассивные, — они всегда обоюдные. Так же, как и обоюдны причины их мерцания. Ты можешь не хотеть уйти.

Тебя могут НЕ ХОТЕТЬ ОТПУСТИТЬ. И когда это происходит одновременно, когда тоска, отчаяние, непримиримость разлуки достигают с обеих сторон высшей точки, ты можешь снова проникнуть — буквально проявиться — в прежний мир.

Люди видят призраков.

Это тоже факт.

Но если само состояние Затерянных похоже на бесконечное колебание маятника, отбрасываемого каждый раз в противоположные направления, без шанса остановиться в какой-либо точке, кроме абсолютного дна, то сам факт мерцаний ломает этот стереотип на корню.

И, значит, возможно — все-таки возможно — возвратить кого-то из близких назад?.. Так?..

…Чопорный, высокопарный и сухой во всех мерах текст проскальзывает перед глазами длинными пропечатанными на дне памяти субтитрами — я проглатываю его, теряя обрывки окончаний, путая местами слова, почему-то стараясь спешить, но мне все равно не дают дочитать.

— …Антон… — знакомый голос с легкой картавинкой неожиданной щекочущей волной проходится у меня по спине, на миг выщепляя сознание из мельтешащей буквенной круговерти.

Я резко оборачиваюсь на звук, почти рывком, еще не осознавая момента до конца.

В интонациях Герды, как всегда, спокойная, морозно-зимняя заоконная прохлада, рассыпающаяся облачками снежинок в безветренном воздухе, а большинство эмоций привычно нужно читать в уголках губ…

…которые сейчас сжаты в жесткую мраморную линию и кажутся застывшими. Почти неживыми. Это настолько неожиданно и странно — настолько страшно для меня, — что в первые секунды я не нахожу слов, лишь медленно, как сомнамбула, и нерешительно поднимаясь ей навстречу, все еще продолжая сжимать за угол раскрытую на середине тетрадь. И оторопело вглядываюсь в ее лицо, замечая черты, будто в первый раз. Действительно первый…

Ее притененная, нерезкая, словно задрапированная бархатной дымкой фигура в маленьком черном платье стоит в дверях — виднеется в темноте коридора, замершая, оцепенело всматривающаяся в полумрак комнаты, до напряжения стискивая пальцами деревянную дверную рамку.

Мягкая матовая кожа, расчерченная тенями, завышенные скулы и пологий профиль, слегка кошачий, с круглым, чуть розоватым, когда она смущается, кончиком носа.

Само появление Герды здесь, в квартире, в моей комнате, сейчас выглядит, скорее, ка мираж. Бесшумный, неосязаемый, неожиданный.

Сколько прошло времени с момента нашего последнего разговора: час? Два? И сколько времени сейчас, и почему — почему — она так странно смотрит на меня: нелепо, беспомощно? Обезоруженно…

— Ты что творишь, Антон?.. — в простых и правильных до боли словах — ни намека на раздражение. Только какая-то непонимающая, тихая, обманутая растерянность. Слова Герды застревают на ее тонких губах, мешаясь дрожью на вдохе, а они сами напряжены и плотно сжаты от волнения, но между тем жест больше похож на отчаянную попытку заставить их не дрожать.

И я вдруг вспоминаю: все ее пропущенные и отвеченные мною вскользь звонки, когда мысли были заняты абсолютно и совсем другим, ее беспокойство — единственно искреннюю тревогу за меня и только за меня, — сказанные слова и то, что я произнес тогда в ответ. Точнее то, чего я «недопроизнес». Но вряд ли скажу даже сейчас, даже просто сделаю шаг навстречу, хотя

прекрасно понимаю, о чем она.

В любом смысле.

Я роюсь в вещах в затененном углу комнаты, а Дина стоит на виду, и ее Герда заметила намного раньше, чем меня. И, значит, смогла рассмотреть. Она не из нашего Отдела, но она не слепая и вовсе не дура, чтобы не понять очевидного в ней.

Оче-видного.

Ее губы внезапно скрадывает мелкая дрожь, отражающаяся и в голосе, который тоже дрожит, срываясь на пределе, как в те самые редкие минуты, когда она больше НЕ ХОЧЕТ скрывать своих чувств.

— «Помочь одному человеку»? Ты с ума сошел, да?! — Герда ломаным, надтреснутым отрывистым движением стремительно отступает назад, в темноту коридора, случайно столкнувшись глазами с Дининым робким, непонимающим взглядом из-под ресниц.

Боится.

Боится сейчас, заранее, потому что про Опустошение знает каждый из наших Отделов в независимости от должности и потому что многим из нас известно не понаслышке, какие глаза бывают у тех, кому начисто высосали жизнь. И что чувствуешь сам, хоть в малой мере, понимая, что тебя истощают, выпивают. Болезненно, мучительно, медленно и долго убивают душу… — Отойди! Быстро отойди от нее!..

— Прошу, подожди… — мой голос звучит хрипло и глухо, и я сам не узнаю его сейчас.

Помогать людям… Откуда такое странное разделение? Кто его придумал и почему, в конце концов, решил, что только оно может быть правдой? Справедливость только в одну сторону…

Герда снова делает шаг назад, в узкий коридор за дверным проемом, мимо двери в ванную и туалет, мимо кухни, цокая каблуками по выдавленному линолеуму и еще нерешительно и медленно отводя руку за спину, пытаясь на ощупь отыскать что-то на стене. Что-то, спрятанное там, укромное и незаметное, под пластиковым откидным щитком, и я не хочу даже думать о том, что она собирается сделать. Я знаю, что она хочет…

Рукава-фонарики… Тонкие руки с пятнышками глянцевого лака на ногтях. Черные туфли-лодочки, на которых может ходить разве что только она: стремительно, изящно и быстро. А дурацкая «тревожная кнопка» висит под щитком на стене в коридоре, и если нажать на нее, тотчас слетится по вызову пол-Отдела, и тогда я уже точно ничем — абсолютно ничем — не успею помочь Дине.

Я опять тогда ничего не смогу.

— Гер, нет! Послушай, ты не понимаешь — мы МОЖЕМ все исправить! Ты даже не представляешь, СКОЛЬКО всего мы можем исправить!.. Гер… — я неожиданно снова оживаю и срываюсь ей навстречу, резко оттолкнувшись от стены. Пытаясь дотянуться, протягивая к ней руку, движущуюся точно в замедленном рваном такте, удержать, а в другой потрясаю в воздухе, сжимая замусоленный конспект, где по пунктам расписана моя совесть.

Как злостный двоечник, клянущийся переписать злосчастную контрольную перед матерью. Но саму жизнь ведь не перепишешь…

— Да как же ты не понимаешь! Я не хочу… я БОЮСЬ тебя потерять!..

Слова, сваливающиеся как снег на голову, заставляют меня враз замереть на месте, точно вкопанным, неподвижно застыв у двери, а она по-прежнему странно смотрит на меня из глубины коридора, обвиняя выражением глаз во всех преступных грехах. И в какой-то момент я даже верю в них.

Герда… Мой куратор. Мой учитель. Моя поддержка и главная — и единственная — симпатия последних лет. Я верю тебе. Я никому больше не верю так, как тебе, только и ты, пожалуйста, доверься мне. Хоть один раз. Я клянусь, Гер, Дина тебе ничего не сделает. Она никому ничего никогда плохого не делала. Я обещаю тебе. Я сам понял это… То, насколько все может оказаться неправильным…

Она коротко встряхивает головой, пытаясь сдунуть с лица выбившуюся темную прядь, хотя на самом деле лишь хочет отвернуться, чтобы я не увидел.

Но я все равно замечаю, даже в полумраке, как влажно блестят ее глаза. Впервые за все время нашего знакомства. И это не входит в мою личную статистику…

Ее волосы, мелкими волнами растрепавшиеся по плечам, пахнут корицей и морозными ягодами брусники, рассыпая в воздухе этот запах, от которого у меня всегда теплеет на душе, что бы ни происходило вокруг. Какие бы неурядицы. Она греет мне сердце. Моя Герда.

Но ведь дело в том, что я сам совсем не похож на Кая — ни внешне, ни внутренне.

— Прости…

…У наших домов в городе плоские прямые крыши с редким изломом только на самом коньке, а мой дом стоит углом, многократно ломаный, точно греческая завитушка, и различный от подъезда к подъезду по количеству этажей. Окна моей комнаты, наклонные и низкие, нависают пологим скатом над горизонтальной крышей соседнего корпуса, торчат среди среди

усеянного антеннами коричневого ее полотна двойным маленьким домиком. И я знаю, что делать. Я думаю, это поможет.

Я больше ни о чем не хочу думать…

Полутемная пустая комната остается за спиной, когда я пересекаю ее несколькими резкими и прямыми шагами и рывком распахиваю низкое наклонное окно. Пронзительный ветер, рвавшийся внутрь все последние дни, влетает в комнату морозным колющем вихрем, сметая со стола разбросанные листы, но через секунду я уже перестаю обращать на него внимание.

Шершавый заиндевевший рубероид проскальзывает под подошвами ботинок, когда я выбираюсь из окна, протягивая руку Дине и помогая вытянуть ее за собой; остатки счищенного днем с крыши снега похожи на размазанный по серому хлебу комковатый мягкий сыр, отпечатавший на себе множественные птичьи следы, петляющие между то и дело встречающимися на пути выходами вентиляции, лубками дождевых стоков и коробов соединенных друг с другом кондиционеров со всеми сопровождающими их коммуникациями…

Пожарная лестница начинается у противоположного торца дома, вильнувшего краем за угол, в узкий переулок на задворках хозяйственного магазина и круглосуточного продуктового киоска: металлический скошенный хребет, изломами скользких площадок спускающийся по боковой стене, соприкасающейся боками с глухой кирпичной затертой кладкой еще двух. Узкий рукав переулка, заваленный разметавшимся, втоптанным в грязь мелким мусором, с неряшливой кучей размокших от снега картонных продуктовых коробок в углу, боком утыкается в запертую железную дверь служебного входа над небольшим крылечком. Под трубой водостока недалеко от крыльца видна занесенная хлипким снегом коробочка кошачьей миски с какими-то ошметками внутри.

Под ногами мелко хрустит мусором не то стекло, не то — осколки битой черепицы, приземлившейся с соседней крыши.

Половину переулка, забравшись в глубину почти до упора, перекрывает невесть как сюда втиснутая старая колымага грязно-буро-зеленого цвета, с проеденными пятнами ржавчины на дверях, и нас абсолютно не видно — не может быть заметно — с улицы. Да и ход сюда, вполне себе извращенный, знаю, помимо редких работников магазина, похоже, только я.

— Я больше не могу… — Дина останавливается у подножия лестницы в трех метрах позади меня и устало падает, будто сложившись, на оледенелую ступеньку. Даже через пуховик я вижу, как тяжело вздымается и опадает после бега ее грудь, ходит ходуном. — Зачем все это?..

Бархатное, звенящее от мороза небо над головой похоже на натянутую плотную синюю резину, готовую лопнуть. Весь мир готов лопнуть. Разойтись по шву, взорваться на кусочки, кануть в бездну. В этот страшный, бесконечный невозврат и нежизнь. Но я не желаю ему этого, я…

— Я хочу помочь…

— Я говорю, зачем тебе это?!.

Живые глаза затравленно смотрят на меня снизу вверх, и внутри них — живое горе и живое желание понять. Не следствие чего-то — причину. Такие глаза могут убить и воскресить одновременно, но даже я сам не знаю, чего сейчас для себя хочу.

Небо над нашими головами, зажавшее края крыш темной снежной ясностью, покрывается испариной и леденеет, осыпаясь влажным дыханием в ладони.

Я застываю на полушаге к ней, все еще сжимая тетрадку в окоченелых руках, внутри которых — пламя. На мне прорезиненные перчатки и серый свитер, потому что куртка так и осталась брошенной на полу спальни, и ни то, ни другое не может согреть меня даже в такой несильный мороз, но в действительности греет меня не это.

Мир находится в поисках Чистоты и Правильности, но я не понимаю — и, наверное, никогда не смогу понять, — в каком совершенном идеале их хотят отыскать и почему вообще решили, что должны искать?

И, несмотря на Правила, на все случаи, о которых знал и о которых мне говорили, я сам по-прежнему верю — мы все люди. В любом воплощении. И по-прежнему имеем свое право на свою жизнь…

…Я честно стою перед Диной, не зная, что ответить на ее слова, как вместить в этот ответ все, что накопилось — и продолжает скапливаться в моей душе, заставляя болеть, как будто всякий раз убивают ее саму.

А она тоже вдруг внезапно поднимается мне навстречу со своего места, делая шаг. Ее руки, взявшие мою, теплые, а она сама — до боли реальная. Из крайности в крайность. «…из одного состояния в другое, сохраняя в промежутках признаки обеих групп…»

Я встряхиваю потрепанной тетрадкой, раскрывая страницы на заломанном корешке.

«… однако помимо этого, было выдвинуто предположение о возможности возрастания связи с реальностью настолько, что становится возможно возвратить „мерцающий“ объект назад…» — фраза, неожиданно полыхнувшая перед глазами, словно объята тем же пламенем, что и я сам. Она вспыхивает в голове

внезапным огнем, кратковременным ярким всполохом, оставаясь дрожать и отдаваться эхом, пока ее смысл медленно доходит до меня, заставляя ощущение реальности покато уплывать в сторону.

Секунды размножились по кадрам: я замечаю, как окружающее мутно и смазанно смещается перед глазами, откатываясь назад и в стороны, за пределы видимости, в которой сейчас — только свет, искры и пламя чего-то сгорающего и плавящегося внутри… а потом снова, резко, рывком возвращается назад, ударяя по глазам пронзительной нестерпимой темнотой.

«…но реального подтверждения теория так и не получила, сведя вероятность подобного случая к тысячной доли процента…»

…Все свое время я пытался найти ответы в словах других, потому что считал их правильнее и умнее, но они оказались ничуть не мудрее меня самого. Только пустая трата времени.

Вся моя жизнь — лишь бесплодный поиск.

Я ощущаю требовательный взгляд, остановившийся на моем лице: он покалывает и жжет, точно снег, забившийся копотью под капюшон, он давно догадался обо всем, но хочет, чтобы я произнес это вслух, хочет услышать, удостовериться.

Поверить наконец кому-нибудь, пусть даже тем, кто на самом деле обманул ее ожидания и надежды. Но довериться…

— …Потому что наши Сны составлены из истинных чувств, и за эти годы я научился различать их в самых тонких оттенках. И я никогда — слышишь? — никогда не встречал кого-то, хоть немного похожего на тебя… Я знаю, люди обычно ждут друг от друга немного иных слов, но настоящий их смысл такой: *Я не хочу… Тебя… Потерять!..*

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
«Мертвый город»
Э.А.Псовский; Андрей Звягинцев, команда зачистки

Затерянные… Затерянные… Сны… Затерянные… Что ж за существа вы такие, странные? Все цепляетесь за жизнь — так упорно, так самонадеянно, бесстрашно, не веря никому, иногда даже самим себе? Что за притяжение в вас живет, какая привязанность, любовь… эгоистичность по отношению к другим, заставляющая совершать вас необъяснимые — и такие противоречивые порой поступки? Затерянные…

На каждом компьютерном экране из полукруга — пропечатанные строчки мигающих зеленых слов, но больше всего их лишь в голове. Таких же непонятных, волнующих и плавающих в непроницаемом матовом тумане, так похожем на вашу невнятную сизо-пепельную параллель, которую вы, впрочем, сами избрали для себя. Зачем?..

Принять вечное страдание, обменяв его на лживый призрак надежды, вместо того, чтобы начать все с начала. С чистого листа переписать все, как больше хочется, может, даже счастливее, чем было прежде, но вас тянет назад только из-за того, что вам что-то там нравится.

Кто-то нравится.

Кого-то любите…

Или полюбили?..

Затерянные…

Странные вы существа — не виноватые, в принципе, ни за свою долю, ни за свою участь, ни за сделанный вами выбор. Только одна беда: вы слишком сильно хотите жить — и слишком часто это у вас получается. А такое, — оно ведь не порядок.

Непорядок. Нарушение баланса сил, нарушение Жизни и Смерти, нарушение всего.

Баланс — наше все…

Баланс — наше все…

И иногда ради его блага приходится идти на жертвы.

Они неминуемы… — новое помигивание на блестящих лицах экранов. Какое-то дерганное дребезжание: наверное, очередной перепад в системе, заставляющий сцепленные строем буквы метаться и дрожать, рассыпаясь перед глазами. Плохо, но они ведь не виноваты. И мы, и Отдел тоже. И Затерянные.

Потому что сами вы ничего бы не смогли. Никогда. Никакими путями: прямыми, окольными или петляющими. Виновны больше всех всегда лишь те, кто вам, Затерянным, помогает.

Помогает найтись…

* * *

— …Андрей, заходи, я тебя ждал… — голос в глубине темной маленькой каморки кажется мне дробленным и абсолютно неправдоподобно громким, в то время как за стеклянной перегородкой, представляющей собой одну из четырех стен, доносится приглушенно-гулкое кипение концертного зала. Крохотная сцена издалека как на ладони, утоплена в глубину, точно зал прогнулся, раздвинулся, вниз и вверх большой телескопической трубкой. Темно-синие ряды зрительских мест, задрапированные в бархат, пусты — это всего лишь репетиция: какой-то народный ансамбль танцует что-то не более авторизированное, больше похожее на монотонное быстрое хождение по кругу и многократные прыжки каждого на своем месте, нежели на танец.

Благородную иссиня-черную темноту, скопившуюся газом под потолком, прорезают яркие конусы прожекторных лучей, расширяющиеся к сцене — они подрагивают и изредка шевелятся, меняя местоположение и перетекая в другой оттенок.

И управляется всем этим отсюда, из пропахшей средством от моли и пылью крошечной комнатки-каморки позади и сверху над смотровыми рядами. Странный выбор места для назначения деловой встречи, но разве начальству об этом скажешь?..

— Извини, сесть не предлагаю, ибо больше не на что, — произносит из полумрака голос Псовского — нашего непосредственного главы, подгребшего под свой контроль целых два Отдела.

Сам он — как всегда в строгом, но не слишком строго носящемся темно-сером костюме, сидит на каком-то диком подобие табуретки и школьного деревянного стула, закинув ноги в дорогих лакированных туфлях на угол компьютерного системного блока, приютившегося под угловатым столом. Вокруг него куча аппаратуры и веер из экранов, слабо мерцающих в полутьме, и все это мерно гудит, подрагивает и светится, вибрируя и выстраивая какие-то графики и сообщающиеся друг с другом диаграммы. А сам Эдмунд Александрович в это время любуется на обрастающий мясом и мышцами скелет представления за стеклом, медленно моргая совиными круглыми

глазами в едком ежике ресниц. В темноте глаза начальника кажутся особенно большими и едва уловимо отливающими желтым, точно два полнолунных диска. (Интересно, не за них ли он получил свое прозвище в Штабе?..)

Мне интересно узнать, зачем меня вызвали — практически вырвали — из дома так срочно, по какой такой острой причине и неотложному делу, но ленивые, уставившиеся в какую-то лишь свою далекую нирвану, неподвижные серые глаза упорно созерцают стекло и только его одно. Если вообще что-то созерцают.

Странно…

Нами управляют странные люди…

У каждого из нас, независимо от того, какое положение он занимает, жизнь словно поделена между двумя отрезками: то, что было «до» и осталось в прошлом, и то, что есть «сейчас» — та часть и цель общей работы, которую мы выполняем постоянно и практически непрерывно. Я не знаю и не могу даже предположить, кем был Лунный в прошедшей части жизни, но в этой он — явная «большая шишка».

Из Отделов, известных мне, только Отделы Конфиденциальности, Правил, Снов и Информативности как одни из наиболее близких и знакомых. Первые два — из самых крупных — полностью находятся под контролем Псовского, третий — только частично, и обычно это связано с инструктажами и первичной информацией для новичков. Зато и контролируется особо рьяно: попробуй допустить кого-нибудь к новым способностям и возможностям, предварительно не вложив в голову правильные мысли и понимания.

Хотя, некоторым бывает порой недостаточно и этого.

Наши подразделения разбросаны по городу, точно дырки в куске качественного сыра, и постоянно держат тесный контакт между собой, но порой мы все равно чего-то не успеваем. А бывает, кто-то намерено желает, чтобы мы что-то упустили из вида. И сегодня, кажется, именно такой случай.

По крайней мере, это оправдало б спешку…

Я неподвижно смотрю на Лунного, пока тот наконец не оборачивается в мою сторону, видимо все-таки вспомнив, что по-прежнему находится в тесной каморке не один. Я весь как-то неудобно подбираюсь, почти вытягиваюсь под его прозрачным взглядом, гоня из головы прочь саркастическую и неуемную мысль, что не заметить кого-либо в ЭТОМ помещении было бы невозможно в принципе.

— Значит так, безопасник Звягинцев… — ох, и не люблю я это обращение! Никогда не предвещает ничего хорошего.

Я подбираюсь еще сильнее, чувствуя скользящее напряжение в воздухе, как будто электрический ток каким-то немыслимым образом вышел за пределы проводов, а Эдмунд Александрович наконец вводит меня в курс дела.

Отдел Снов.

Ловец. Ожидаемо, судя внезапности и суете, с какой меня сюда вызывали. Точнее, тогда — наш тандем…

Нам с напарником приходится работать по профилю не слишком часто. И даже среди этой доли львиную всегда занимали Ловцы и иже с ними. Наше объединение — мы как вышибалы в ночном клубе, контрольно-пропускной пункт или та самая красиво звучащая «команда зачистки» из экшн-фильма. Зачищаем непригодных среди рядов тех, кто должен зачищать непригодных. Такое тоже случается. Чистая банальная формальность лишения должности, с предъявлением ответственности по протоколу нарушений и доставкой в штаб, а остальное уже не наша проблема. Но звучит красиво.

Только люди, в отличие от Снов, если не более сговорчивы, то хотя бы не пытаются вывернуть тебя на изнанку одним лишь только взглядом. Хотя, и со Снами в промежутках работаем — знаем. Совсем недавно как раз был случай. С каким-то нарвавшимся, явно неуравновешенным подростком-пацаном, чье не слишком материальное для живых людей, но почему-то очень важное для нас тело мы забирали вдвоем из какого-то переулка возле набережной. Может, они интуитивно чувствуют, что их может ожидать? Только зачем тогда нарываются?..

Я киваю, слегка покачиваясь на месте от нетерпения — отнюдь не в рвении поскорее отправиться выполнять задание, а желая узнать его продолжение. Причину.

Эдмунд Александрович оборачивается ко мне, почти вплотную заглядывая в глаза, точно желая удостовериться, что из этой части я действительно все понял так, как надо. А я понял. Как надо. В первый раз, что ли?..

Полусонный взгляд, скользнувший по мне, в мгновение становится острым, однако, уже через секунду, снова скатывается на прежнее безмятежно-непрошибаемое выражение, но в этот раз, действительно напрямую столкнувшись с глазами начальника, я словно замечаю в них что-то еще. Затаенное. Жалость?.. Брр, быть такого не может… Никогда!

Он продолжает говорить, занудно-размеренным голосом с редким нажимом на слова, — на этот раз дает мне краткую сводку об очередном провинившемся. Что? — сегодня? В смысле, «практически сейчас»?.. Быстро же, однако, до нас доходит информация! Хотя, отростки системы нам ни к чему, и чем

быстрее мы сможем избавиться от них, тем лучше. А с чутьем Лунного это — вопрос умения распоряжаться. А этого у него… хм, выше крыши…

Эдмунд Александрович произносит имя, а у меня в голове вспыхивает странным, тревожаще-алым: как спасли этого Антона Крайности пару лет назад от его собственной девушки, ставшей взбесившимся Сном и чуть не выжавшей этого бедного паренька, как лимон в стакан чая. Еле подоспели вовремя. По правде говоря, лишь на удачу оказались рядом, проходя мимо. Душу девушки пришлось уничтожить, лишив возможности перерождения, а парень оказался со способностями и вроде уже два года спокойно варился в своей должности. Но, видимо, оступился. Допрыгался — пожалел кого-то из Снов…

Затерянную?!.

Слабость к девушкам с пронзительным режущим взглядом, пробирающим до души, нас погубит. Удача будет, если та еще не успела ничего натворить, но такое вряд ли. «Все затерянные по природе своей…» — и так далее, прямым текстом. Что правда, то правда. А у этого еще, оказывается, все явно преднамеренное: ослушаться прямого приказа в пользу Снов — это не просто так… Вот, похоже, и настучал кто-то в базу — через «Тревожную Кнопку». Может, — я не могу сдержаться от ироничного смешка, но улыбку приходится проглотить, потому что рассеянно-внимательные глаза снова смотрят на меня в упор — даже та, под чей присмотр этот Крайности попал. Красоточка Суварова, ведь так? Информационист, имеющий прямую связь со Штабом…

Но-но…

Я смотрю на начальника, едва не забывая моргать от внимания, хотя на самом деле довольно глубоко погрузился в себя и свои мысли, и поэтому его неожиданный вопрос застает меня врасплох:

— Оружие при тебе? — я уверенно киваю, глядя в снова обманчиво расслабленные сонные глаза сверху вниз. Достаточно уверенно, но все равно вдруг ощущаю себя неуютно.

— Возьми, — он протягивает мне что-то, завернутое, по всей видимости, в какие-то тряпки и запакованное сверху в непримечательный целлофановый пакет. — При себе не свети, но, если понадобится, используй… Даже не так — когда понадобится…

Даже так, да?..

Его голос не сделал никакого заметного скачка, но мне почему-то кажется, что предпоследнее слово он выделил как-то особенно, с нажимом. Почти приказывая. Застывший взгляд снова концентрируется прохладными частицами на моем лице,

проверяя, правильно ли и надежно я усвоил выявленную суть миссии. Все ясно, но есть одно «но»…

Лунный снова отворачивается к стеклу, эффектно и ненарочито перекрутившись на своей шаткой табуретке, а я бестактно шуршу пакетом и мну тряпье, желая прежде узнать, что еще мне подкинули, помимо стандартизированного, бесшумного и удобного для ношения ножа, а когда отыскиваю и рассматриваю при куцем свете «подарок», невольно радуюсь и пугаюсь одновременно. Затерянные… Неужели, все действительно так серьезно?..

— Задание ясно?.. — холодная спокойная уверенность в голосе такая, что ею можно преспокойно резать лед. А сдержанности хочется позавидовать.

— Конечно, ясно.

«В первый раз, что ли?..»

— Тогда можешь идти выполнять, — туманный голос тает в какой-то дымной поволоке, делаясь едва слышным. Или это мне просто так кажется?..

…

— Молодой человек, с вами все в порядке?.. Молодой человек!..

Сквозь зеленоватую дымку перед глазами медленно начинают проступать окружающие очертания, а уже сквозь них — навязчивые мыслеформы, облаченные в визуализацию уходящих вдаль по снегу черных следов от ботинок. И все это маячит перед взглядом на фоне вечерне-фонарного синего неба еще несколько секунд, до тех пор, пока двойственная реальность все-таки не складывается в одну. И я вижу ЭТО…

Острое, худощавое во всех имеющихся чертах, лицо незнакомой девушки, склонившееся надо мной (точнее, над той самой уличной деревянной скамейкой, на которой я некстати разлегся) просто источает собой образцовое участливое сожаление.

Кончик острого носа мелко подрагивает, пытаясь вернуть обратно в удобное положение съехавшие по переносице огромные круглые очки; тонкие бледные губы чуть ли не бубликом сворачиваются, пытаясь выдавить сквозь застенчивость сочувствующую жалкую улыбку.

— С вами точно все в порядке? Может, нужно врача? — взволнованный голос новоявленной спасительницы набирает новые обороты — теперь в нем уже отчетливо слышится заботливость. Тонкая шея, обмотанная несколькими слоями сбившегося шарфа, торчит над воротником какой-то темной, затравленно-мышиного цвета куртки.

Сама — как жирафа.

И примерно такая же милая…

— Нет, спасибо. Все в полном… порядке.

Если не считать легкого холодка по спине, вызванного энергией перемещения, то это действительно — чистая правда.

— Ну слава богу! Я уж подумала, что что-то действительно серьезное случилось… Вам плохо стало, да?..

Опираясь рукой о спинку скамейки, я наконец догадываюсь принять вертикальное положение. В какой-то момент мне кажется, что девушка хочет мне в этом помочь, но так и не решается протянуть руку. Зато с ненаигранным энтузиазмом бросается подбирать высыпавшиеся из продуктового пакета предметы, валяющиеся тут же, под ногами (по-видимому, в разговор меня затянуло слишком резко, раз так разбросал все и разбросался сам).

Вспомнив про сам визит и его суть, поспешно оглядываюсь по сторонам, ища взглядом…

…Злосчастный сверток, который вручил мне начальник, тоже здесь, только в отличие от моего разбросанного барахла лежит себе как ничто не бывало на краю скамейки аккуратным таким свертком. Словно так и нужно и ничего необычного. Я поспешно встряхиваюсь и подбираюсь к нему поближе, намереваясь перехватить тот до того, как это успеет сделать вертлявая недотепа… — и буквально сталкиваюсь с ней нос к носу.

— Вы… обронили, — девушка двумя руками протягивает мне навстречу пластиковый пакет из «Ашана» (истинный «джентльменский набор»: батон колбасы, нарезная булка — и с десяток мелких пакетиков с кормом, для кошки), который действительно был со мной до того момента, как меня настигло внезапное непредупредительное «совещание». Словно от сердца отрывает, вверяя мне вместе с ним в пользование свою душу — по глазам вижу. И улыбка… как у того Чучела в одноименно книжке — до ушей, подпирая уголками дужки сползающих выпуклых очков. Истинное чучело и есть. И что только ей показалось во мне таким милым?..

Сверкающие от бликов фонарей выпуклые стекла, испещренные мелкими следами давних царапин, преданно взирают на меня снизу вверх где-то на уровне моей груди. На ее очки хочется надышать и нарисовать на них сердечко, но я знаю, такой жест будет воспринят их обладательницей всерьез. Скучно с такими…

— Спасибо.

Можно было состроить улыбку, но желание как-то разом пропало. Да и с подобными особами это опасно: прицепится — не

оттащишь. А мне уже нужно идти.

— Ну, я пойду?..

— Идите, — ее слова, практически опередившие мои собственные мысли, приходятся как нельзя кстати. Я знаю, она не осмелится спросить телефона, даже просто изъявить желание познакомиться. Такие, как она, никогда не осмеливаются. И девушка действительно просто уходит — с печалью на дне увеличенных стеклами безлико-серых глаз и взбаламученными старыми комплексами в голове, но все же уходит. А остальное меня сейчас не интересует.

И все равно я отчего-то медлю.

…Старый сквер за высокой оградой. Узкие улицы и боковой вход в метро на конечной станции, приютившийся под вывесками круглосуточных магазинов. Та часть города, что не подвластна ни тревоге, ни суете. Даже жизнь здесь льется — вяло, прикрываясь шторками окон в домах конца позапрошлого века, словно пытаясь отсрочить тот миг, когда ей придется расцвести во всей красе, видимо, зная, что за этим мгновением последует лишь период неминуемого, необратимого угасания. Медленного упадка.

Только этот процесс везде наступает одинаково.

«За своим стремлением вечно угнаться за мертвыми, мы совсем забыли про чувства ЖИВЫХ…»

Подобные выражения у нас не в ходу, но иногда хочется говорить привычными — более подходящими — друг другу словами.

Мертвые… Это их город.

Иначе не назовешь.

Тех, на чьих лицах не растают сыплющиеся с неба снежинки.

Я медленно поднимаюсь со своего места, одновременно ища глазами по сторонам случайных прохожих, с которыми мы могли бы показаться друг другу обоюдно подозрительными и странными. Хочется шагнуть в свет ближайшего фонаря, позволяя себе раствориться в его сиянии, чтобы пересечь невидимую посторонним грань между двумя слоями реальности. Туда, где свет и чужие взгляды являются единственном отрадой для тех, кому уже поздно чего-то обещать в жизни.

Это теневой мир, оборотная сторона, чистая энергия, не обремененная ни умственными качествами, ни внешность, ни моралью — единственное, что останется от каждого из нас после утрата материальной сути. Но под взглядами попадающихся то и дело прохожих попросту раствориться в воздухе представляется нереальным, и приходится действовать иными методами.

А в голове все это время продолжают непроизвольно вертеться обрывочные фразы недавнего диалога.

«…При себе не свети, но, если понадобится, используй… Даже не так — когда понадобится…» — все-таки было в манерах Лунного что-то, выбивающееся из клише прежнего поведения. Раз даже не удосужился отгородиться на время разговора.

По крайней мере, вместо привычной неопределенно-темной пустоты, в этот раз мне удалось заметить гораздо больше из того, что происходило — и действительно, наверное, происходило — где-то в реальности, на другом ли конце города, где мог окопаться Псовский. Никогда не подозревал за ним особой любви к театральным постановкам, но мало ли какие там сюрпризы еще кроются. Не суть.

Только разговор странный все-таки…

Надо будет разобраться с этим, обдумать все как следует, повертеть так и эдак все возможные варианты, но не сейчас. Но…

…Тянущаяся от меня мысленная сеть, опутывающая с каждой секундой, словно щупальцами, все большее пространство вокруг, наконец натыкается на что-то очень знакомое неподалеку и упирается в него, как луч корабельного маяка, поймавшего берег суши вдали.

Фиксируя в голове кратчайший маршрут, я позволяю себе мысленную ухмылку: все складывается как нельзя лучше и быстрее. Осталось только добраться до пункта назначения и выполнить приказ — за промедлением дела не станет.

Слабый огонек где-то на грани сознания слабо пульсировал в окружающей темноте, оставаясь все таким же неподвижно прикованным к одному месту. Словно растерянным. Я знаю, там моя цель.

Обе мои цели…

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
«Never surrender»
Антон с Диной

…К спине прилипает жгучее чувство тревожности. Я ощущаю его, мелко перебирающее вдоль позвоночника, всем телом, как разряд электрического тока, рассыпающегося горячими искрами: напряженное, тяжелое, тугое, хотя это состояние не взвесить и не измерить рукой, но оно есть, так же, как есть Сны — бестелесно.

Я растерянно оглядываюсь по сторонам. Скорее, инстинктивно, непроизвольно ища опасность вокруг себя, чем надеясь ее увидеть. Мне чудится позади чей-то взгляд, пронзительно прилипший к воздуху, будто пропитавший его целиком неощутимой испариной и нераспознаваемым запахом, хотя Дина рядом, а с трех сторон вокруг — только кирпичная, обваливающаяся кладка сомкнувшихся тупиковым ответвлением стен.

Я понимаю, ЧТО это может значить.

— Пошли, — все размышления, смешанные с оцепенением, быстро сдувает и я крепче сжимаю Динину руку, откидывая бесполезный уже конспект под ступеньку лестницы, и поспешно направляюсь к выходу на оживленную улицу, увлекая ее за собой.

Цепкое, тревожащее сумрачно-сизую параллель Снов, ощущение идет от горла переулка, вытянувшись за его пределы ветвящимся длинным следом, хвост которого ориентировочно нацелен в нашу сторону, и лучше убраться отсюда раньше, чем мы окажемся на виду.

Мне не нужно объяснять, что в противном случае это будет значить.

Значить это может только одно.

От квадратной площадки в самом тупике, куда выходят заднее крыльцо с металлической дверью и ломаный зигзаг пожарной лестницы, до ближайшей улицы — шагов двадцать и один короткий излом поворота. Переулок вклинивается в нее истоком, прерывая на несколько метров длинно вытянутую по сторонам крытую галерею магазинного ряда. Внутреннее пространство здесь, под поддерживаемым внешними колоннами навесом, сплошь исполосовано желто-белым и радужным светом вывесок и витрин, разбившими окружающее на цветные освещенные секторы. Просвет между домами за нашими спинами с этой стороны мгновенно покрывается клубящей темнотой,

становясь почти незаметным. Если о нем не знать.

Свет рекламы и вывесок резко после полутемноты ударяет по глазам, на мгновение напоминая о чужеродности в этой звенящей какофонии звуков и огненном мерцании. Я слышу переливающиеся отголоски играющей где-то рядом музыки, звенящее дребезжание колокольчиков на входных дверях, возвещающее о приходе новых покупателей, шуршание шагов, хруст снега, голоса, смех. Оранжевый свет гирлянд, развешенных здесь же, под арочными сводами, кидает мерцающие отсветы на все в ближайшие пять шагов вокруг, отражаясь блестящими лужами растоптанного снега под ногами, полупрозрачными акварельными мазками накладывается на одежду и лица людей, целеустремленно и рассеянно проходящих мимо.

Все так же — держа Дину за руку — я уверенно вклиниваюсь в толпу, надеясь поскорее слиться с ней, затеряться, и машинально нахожу взглядом уличные часы: на круглом, подсвеченном изнутри матовым светом выпуклом диске, две черные острогранные стрелки, похожие на пики, застыли углом около двадцати двух ноль-ноль. Достаточно позднее время, если учесть, что смеркается у нас рано и зимние ночи особенно темные. Но в предновогоднюю пору правила немного сдвигаются в своих рамках. И это нам на руку…

В движущейся и рассыпающейся по направлениям многоликой сутолоке действительно можно затеряться, но человеку без куртки, зимой, в семиградусный мороз, сложно это сделать на практике, и временами я чувствую упирающиеся мне в спину непонимающе-осуждающие косые взгляды, направленные вслед. Но все равно не снижаю темпа. Потому что где-то, среди всех этих глаз, безмятежных и нацеленных, в сущности, больше только на свои мысли и ощущения, есть и те, чья направленность яснее всех отпечатывается на наших с Диной следах. Приближается, — а я так и не имею понятия, где он.

Дина покорно семенит рядом, придерживаясь второй ладошкой за мой локоть, почти прижавшись ко мне вплотную, насколько позволяет ритм нашего почти бега, и ни о чем не спрашивает, и мне кажется, что она тоже каким-то образом понимает, что происходит вокруг. Может быть, тоже почувствовала преследование?..

Тугое, упершееся в спину, плотное зудящее ощущение каждую секунду медленно нарастает, захватывая тело все выше, подбираясь к плечам, окутывая их, сковывая, и мне кажется, что окружающее пространство медленно и неумолимо сжимается, превращаясь в кокон.

И, когда нематериальная давящая резь уже достигает верхней

предельной точки, переходящей в болевой порог, я наконец слышу сзади, все так же — сквозь Сизую параллель:

«Отдел безопасности! Требую немедленно остановиться!..» — формулировка названия своего подразделения, — именно с нее и начинается каждый наш монолог с нарушителями, и ни к чему хорошему она априори привести не может…

Запыхавшийся, дребезжащий после бега, но твердый непререкаемый голос эхом отдается у меня в голове, разбивая беззвучную пустоту той реальности, в которой был подан. Неслышимый — и неощущаемый — больше никем, кроме меня и Дины. Точно так же, как и сам преследователь.

Я невольно оборачиваюсь назад, на ходу оглядываясь через плечо, так, чтобы различить хоть кого-то в остающейся позади толпе.

И замечаю Его…

Острое, завышенное в скулах, аристократичное молодое лицо с цепким, надменным и прицеленным взглядом узких зеленоватых глаз, виднеется среди прочих, то и дело мелькает среди толпы шагах в пятнадцати от нас.

Красный дутый пуховик. Красная вязаная шапка, красные ботинки, явно помоднее моих утепленных заношенных кед. Красные же перчатки на руках, вроде тех, в которых катаются на лыжах. Андрей Звягинцев был как раз одним из тех, с кем началось мое непреднамеренное «знакомство» с Отделом Снов и прочими.

А сейчас в его внешнем виде слишком много красного. Слишком яркого.

Агрессивного.

…Я ускоряюсь с места, утягивая Дину за собой, стараясь делать так, чтобы она все время оказывалась впереди, скрытой от преследователя моей спиной. Она тоже оборачивается, испуганно скашивая взгляд за спину — и в ее глазах появляется смесь отчаяния и ужаса.

«Все будет в порядке», — стараюсь казаться до предела спокойным, хотя сердце бешено рвется и бухает в груди, не находя уверенного ритма, и это только мешает. Потому что не может быть никакого «в порядке» и «хорошо» априори, если на тебя натравили ищейку. Они — самый вольный Отдел, если так можно сказать. Нсли им поставили задачу — они выполняют: о методах никто не спросит. Чтобы быть хорошим безопасником, надо быть хорошим отморозком, — это мое мнение…

Торговый ряд отделен от улицы крутыми арками, в верхней части которых матово отсвечивают непрозрачные стекла, а с внешней стороны его подпирает ряд припаркованных

автомобилей, за которыми уже не видно ночь. Освещенная галерея кажется похожей на вытянутый замкнутый желтый коридор, растянувшийся на бесконечность.

…Которая внезапно обрывается…

Приступок галереи, протянувшийся во всю длину здания, заканчивается вместе с ним же, расступаясь по сторонам боковыми пролетами узких проездов. Улица здесь словно ломается надвое, одновременно продолжая уходить основным потоком вперед, пересеченная в поперечнике сначала нешироким, заставленным по обочине машинами проездом к магазинам, и следом за ним — хордой гигантского, двухполосного галдящего проспекта.

Я резко останавливаюсь, чувствуя, как кто-то сразу же рассеянно практически налетает на меня сзади в толпе, не заметив, но все-таки вовремя меняет курс, а Дина робко впечатывается мне в бок, но соображает она сейчас, кажется, действительно лучше меня.

— Сюда!

Она уверенно тянет меня в сторону от расходящегося, точно течение, тяжелоходного потока толпы, пришедшего с галереи, к занесенной снежными ветрами пластиковой коробке на краю тротуара, туда, куда как раз в этот момент причаливал очередной тихоходный автобус со светящимся зеленым номером в желтом стекле.

Окружающий мир домов и галереи тут же мутнеет, стоит только запрыгнуть на подножку нижней ступеньки в уже закрывающуюся с хрустом и скрежетом промороженную заднюю дверь, и откатывается за спину, потому что колеса транспорта резво набирают ход.

Дина втискивается в угол, испуганно ухватив зеленый металлический поручень двери, а я пытаюсь выглянуть через царапаное стекло назад, чтобы рассмотреть на оставшейся позади остановке ярко-красную мелькающую фигуру, но ее нет. Мне хочется чувствовать, что ощущение цепенеющего мандража медленно, но все же, начинает ослабевать. «Схлынывать», оставаясь там же, где-то в мятой колее, вылетающей сзади из-под колес…

Но как бы не так…

В салоне автобуса, идущего в центр, — толкотня, толпа и чьи-то разожженные вечерней атмосферой праздника и грядущего выходного разговоры, и вряд ли кто рад всунувшимся в тесноту безбилетникам, отчего то и дело кидают косые взгляды поверх чьих-то голов: от самого недовольного до практически ненавистного.

Полнотелая дама в розовом пальто, с глазами как пуговицы, с каждой из щек — как розовый кусок колбасы, недобро вперилась глазами в Динину русую макушку, норовя проесть насквозь.

Я вижу, как она испуганно съеживается под всеми этими взглядами, пытаясь сделаться незаметной, но все равно шепчет — то ли мне, то ли просто в пустоту, — что-то, как мантру, бесслышно шевеля губами, стиснув пальцами ободранный поручень до белизны в хрупких костяшках.

Промежуточное пространство между двумя частями салона раздвигается и сжимается мехами, складываясь гармошкой на поворотах дороги, а где-то под ногами гулко гудит и чавкает в металле двигатель, и я не слышу, что она говорит и не умею читать по губам.

— Я… его… уже…

Обидела? Возненавидела? Пред…

— …видела, — автобус крупно встряхивает в колее, занесенной ощутимыми снежными заносами на повороте. Конец слова отлетает куда-то в сторону, в забитое пространство между куртками, пакетами, локтями и чьими-то мокрыми от растаявших снежинок меховыми шапками. Но я уже все равно не сомневаюсь, что слышал именно это…

Пейзаж за запотевшим оконным стеклом сменяется все новым чередом бесконечных улиц, переплетающихся она с другой, как сплетенные концами цветные шнурки детской «веревочки». Я боюсь, что они зациклились в кольцо, что мы не убегаем — а просто ездим по кругу, в вихре нескончаемой, бегающей вокруг оси карусели. Без пункта конечного назначения. Без выхода.

Но на следующем повороте сомнения мои развеиваются…

Архаичное, суровое в рамках своей эпохи, вытянувшееся вдоль набережной здание исторического музея искусств остается позади, открывая взгляду широкий мигающий огнями перекресток перед Дворцом Культуры.

Центральная площадь кажется мало изменившейся с того момента, как я был здесь последний раз, — и в то же время не похожа на саму себя, как отформатированная в фотошопе фотография:

Передвижная сцена, сконструированная несколько дней назад, здесь же — залита огнями и цветным сменяющимся светом до той степени, что начинает слепить глаза. На заднем плане блуждают лазерные дробящиеся проекции, разбивающие темноту подступающей ночи вдребезги. Из огромных колонок тут же грохочет музыка и голос ведущего, собирающие вокруг заполонившую площадь почти целиком толпу.

А те ряды, что ближе к окраине, постоянно движутся,

перемещаясь с места на места, точно взвесь темных чаинок в стакане кипятка.

Дом Культуры впервые за свое существование выглядит блекло, вяло и неубедительно по сравнению с творящейся на переднем плане огненной феерией.

Там, где присутствует такое сосредоточение энергии, можно думать, что след, ведущий за нами, оборвется. Прицепится к кому-то другому, случайно, ошибочно, и развеется в конце концов, успев дать Дине шанс. Успев. Дать. Шанс.

Но…

…Дина жмется ко мне все крепче, обхватив за руку, пока я петляю в веренице проходящих мимо людей, шарахаясь по сторонам и интуитивно стараясь направлять нас в более оживленные места, потому что по себе знаю, каково это — пытаться угнаться за кем-то по параллели Снов среди взволнованной, стремящейся по сторонам толпы. Ответ правильный — однозначно очень тяжело. А в этой реальности выследить нас можно будет только визуально. И это опять же — козырь. Минус на минус…

Но если что-то случится с Диной за это время, если…

Маятник качается… И чем дольше он находится сейчас в одном положении, тем сильнее окажется обратная отдача, если тот возобновит прерванное движение. Если она снова вернется в состояние безматериального Сна, по своей параллели в такой толпе ей не пройти…

…Все это время, пока мы стоит посреди открытого пространства, я чувствую непрекращающееся жжение в лопатках, и мне кажется, что в спину дышит кто-то. Тот, кто преследует нас по пятам, ярко-красный, как помада на губах Герды. Тот, кто по всей логике Земли должен был хоть ненадолго отстать.

— Пошли, — я резко меняю курс, сворачивая вбок с оживленного тротуара и ведя ее за руку за собой.

Боковая улица, отходящая от окраины площади подобно звездчатому лучу, ведет изломами и поворотами переулков, зажатых между однообразных коричневых домовых стен, и остается только надеяться, что именно та, по которой следуем мы, — сквозная.

…Сзади доносятся торопливые шаги, переходящие в ускоряющийся бег, в то время как от ворот подворотни впереди отделяется тенью знакомая в очертаниях широкоплечая заросшая фигура в буро-зеленом пальто.

Попали.

Попались…

— Стоять на месте! — Звягинцев, свалившийся словно из

ниоткуда, останавливает в десятке метров позади нас, перекрывая собой путь к отступлению из переулка. Слова рвутся из груди вместе с обрывистым дыханием, он весь выглядит запыхавшимся, словно бежал за нами все то время, что ехал автобус, хотя я понимаю, что такое невозможно. Но он выглядит довольным — еще более довольным от того, что сумел загнать нас двоих в мышеловку.

Дина жмется все ближе, стискивая в ладонях мои пальцы практически до боли, а я стараюсь отодвинуть ее за спину, хотя преследователи с обеих сторон.

— Отойди от Затерянной! — переводя дыхание, снова благоразумно произносит Андрей, но в выражении его лица я не вижу ни понимания, ни сочувствия. Лишь требовательную холодность. Привычную жестокость бесчувственного человека. — Дай сделать работу без лишнего марательства…

Я все еще недоумеваю, я все еще не могу понять, когда они успели все просчитать. Как предугадали все, смогли выследить нас здесь вдвоем. Каким образом? Каким?..

— …Как?!. - сам мой голос кажется мне в это мгновение полным замешательства. Растерянным. Смятенным.

И Звягинцев явно наслаждается этим, потому что на его губах вдруг расцветает самодовольная ухмылка:

— Добрые люди помогли добраться… Подвезли…

Я не понимаю, как они смогли предугадать все: дорогу, маршрут, конкретно этот переулок, — но не могу простить себе одного — просчета.

Эти двое ВСЕГДА действуют в тандеме…

— …Сны умнее, чем тебе кажется, Антон, — грузный, обманчиво неповоротливый человек — по-видимому, постоянный напарник Звягинцева, — чьего имени я не знаю, хотя самого видел достаточное количество раз, подает голос со своего места, оставаясь при этом по-прежнему неподвижным. Гулкие басы разлетаются по переулку эхом, отражаясь о стены домовых фасадов. — Думаешь, ты сам ее сюда привел?.. Нет, это ОНА тебя провела, Антон. В любом смысле сказанного провела… — суровый голос смягчается до почти отеческого наставительного укора, полного усталости.

В лицах их обоих я замечаю это — раздражение и усталость. Им хочется закончить начатое как можно быстрее и уйти. Куда угодно: отдыхать, пить пиво с друзьями, расслабляясь перед грядущими выходными и наступающими праздниками, смотреть телевизор. Оба не вспомнят случившегося здесь, в глухой подворотне, уже через несколько часов. Да и не захотят вспомнить.

Того, что для кого-то эти не наступившие еще праздники окажутся последними…

«Сны тянутся к людям. Неосознанно. Их привлекают оживленные места. Свет, тепло, чужие безоружные взгляды — все это дает жизнь, то самое, чего потерянным душам так отчаянно не хватает…»

— Поэтому не делай глупостей.

Этот второй не двигается с места и сам весь выглядит ненарочито спокойным, но подобная ненарочитость на самом деле — лишь уловка. Можно попасться. Можно поверить.

Но никому не известно, что тогда из этого выйдет…

Краем глаза я замечаю, как огненно-красный Звягинцев медленно отводит назад руку…

…Метательный нож появляется словно из ниоткуда, из незаметной поверхностным взглядом скрытой прорези в ткани одежды, скомканным всполохом надрезав ночное пространство по шву. Я резко отклоняюсь назад и вбок, и лезвие проскальзывает мимо, пронзительно тараня воздух, и гулко ударяется в бетонную колонну ворот, выбивая воронку и столп усеченных крошек. Знакомая техника, родная. Только моя куртка, нашпигованная металлом, осталась сейчас дома, валяться на полу спальни.

Позади коротко и испуганно вскрикивает Дина; звонкий крик взметается в стылый морозный воздух, под крыши близких домов, отскакивая от стен и множась рикошетом в гипнотизирующей сини далекого неба, путаясь в антеннах и проводах.

Второй безопасник делает короткий шаг навстречу, но Андрей внезапно рявкает: «Я сам!» — и уже ко мне:

— Чего ты добиваешься, Крайности? Она… — резкий кивок в сторону Дины, — всего лишь проекция в данном мире. Энергетический манекен, принявший образ прежнего тела… Эта девушка давно мертва!

— Души не могут быть мертвыми, — я чувствую, как цепенею. Не от страха — от этих произнесенных его слов, но не могу отступить. На этот раз точно не имею права…

— Да. Но зато они умеют УБИВАТЬ… Она все равно когда-нибудь убьет. Все. Рав-но. И тогда у нее не останется шансов против уничтожения. Никаких. Но ты хочешь для начала поплатиться за это человеческой безвинной жизнью?! — лицо Звягинцева полыхает праведным гневом, готовым спалить меня самого дотла. Но больше искажается все равно от нетерпения, злобы и раздражения собственной неудачей; я вижу, как он снова медленно отводит назад правую руку, напрягая пальцы…

— …Что здесь происходит?! — не слишком твердый, громкий голос рвет напряженную тишину и останавливает время,

заставляя нас всех на мгновение застынуть каждого на своих местах.

У истока поворота узкого переулка стоит мужчина в черном пальто — пожилой, с подсушенным, интеллигентным лицом и хрящеватым носом под роговой оправой очков, с влажными, добросердечными мягкими глазами. В руках — маленькая барсетка под документы, на голове — черная кожаная кепка на меху с отворачивающимися загнутыми «ушами». Прибежал на крик, в чужие разборки, хотя сам по натуре слишком добропорядочен и мягок, чтобы лезть в драку. НО он пришел защитить…

…Я слышу короткий жалобный вскрик у своего правого плеча, а затем тусклый шепот, похожий на шелест, когда Дина изо всех сил стискивает пальцами мой рукав, боясь пошевелиться. Словно в оцепенении. Ее глаза полны блеска — того странного, неживого сияния, пропитывающего ее радужку насквозь, делая ее похожей на мутную, жирно переливающуюся нефтяную пленку. Глаза, в которых отражается черной водой ночь, но совсем нет живых человеческих эмоций.

Они притягивают. Как притягивает страшное. Как притягивает самоубийцу край промерзшего насквозь моста сорваться вниз. Как притягивает смерть сделать шаг на расстояние удара ее косы. Возложить отрубленную голову на кровавый холмистый косогор.

Я знаю по себе — такому взгляду невозможно сопротивляться, невозможно развернуться, уйти, встать, даже просто пошевелить пальцами до того момента, как Сон не отпустит тебя добровольно.

Пока не выкачает из тебя всю твою Жизнь…

«Маятник покачнулся…»

— Дина! Смотри на меня!.. пожалуйста, нет…

На ее щеках слезы, но взгляд Дины глубокий, мертвый и черный, в нем плещется мгла и беспросветная липкая жижа, поглотившая под собой бирюзовый китовый океан ее глаз, он наэлектризованный и пьет, вытягивает, обжигает, засасывая внутрь всю живую энергию, необходимую — так необходимую — ее существованию.

«Само ваше существование требует постоянного, нескончаемого притока энергии…»

Оборачиваясь, я вижу, как пожилой мужчина медленно, с тихим стоном, безжизненно оседает на серый снег.

— Ну, все, тварь, ты допрыгалась!..

…Оглушительный гром разрывает и комкает тесное пространство в ничто, и я только лишь успеваю дернуться в

сторону, закрывая Дину собой. Что-то врывается в меня, отдачей отбрасывая к ближайшей стене.

Темнота перед глазами перекрывает окружающее, первое мгновение не давая ничего понять…

«Но вы ничего не понимаете! Все неправда! Вы не видели ее до этого!.. Вы… не… видели…» — морозный воздух нестерпимо жжет легкие, я буквально чувствую, как они горят. Или это горит что-то во мне, что-то, что заставляет обычно других совершать немыслимое.

…А затем приходит боль. Скатывается огненной лавиной, заполоняя каждую клетку тела, рвет, вспарывает, сжигает изнутри нестерпимым адским пожаром.

Я пытаюсь вдохнуть, но внутри все сдавливает пронзительным вакуумом, в глазах рябят красные пятна вперемешку с темнотой, я вижу красное на снегу и, кажется, даже замечаю оцепенело замерших по бокам безопасников, один из которых снова промахнулся.

Огнестрельное оружие у нас не в ходу, но для нашего случая, кажется, сделали исключение…

«Антон! Боже, ты жив?! Помогите же, кто-нибудь, черт вас!..» — вновь оживший крик Дины срывается в рыдания, когда она падает передо мной на колени. Она хватает меня за пальцы и трясет, но я не ощущаю этого, только ловлю визуально мелькающие контуры.

Они в крови. И куртка Дины тоже окрашивается алым, потому что она слишком — непоправимо близко ко мне. Слишком…

Ярким.

Неистово ярким среди темноты.

Ее лицо неотвратимо расплывается у меня перед глазами, уплывая в какую-то далекую, безвозвратную пустоту, но она все еще цепляется за мою ладонь, беспомощно, безнадежно, как за последнюю надежду, — я еще слышу — моля не уходить, а я чувствую, как сквозь окровавленные пальцы вытекает струящаяся жизнь…

Если рай и ад действительно существуют, то я — убийца душ — буду гореть в последнем. Но перед смертью я хочу сделать последнее, что я должен. Что я могу.

Хочу. Ведь если есть способ сделать любимого человека хоть немного счастливее, то я сделаю это, и пусть мой жизненный путь будет выполнен.

…Сквозь притупляющий боль и холод я ощущаю, как последние капли моей жизни перетекают по пальцам к Дине,

впитываются в нее, даря жизнь, которую у нее так безответно и безжалостно отобрали…

Жизнь — это дар.

Но только правда в том, что даров на самом деле не существует. Все когда-либо приходится возвращать.

И даже воздух, который ты вдыхаешь, ты должен выдохнуть…

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
POST SCRIPTUM, после сказанного Дина

— Дин-ка! Дин-ка! Дин-ка!.. — по ушам бил звон электронного будильника, и, как я ни старалась, выключить его на ощупь, удерживая ускользающий сон за хвост, все никак не выходило. Потом до меня наконец дошло, в чем дело.

На тумбочке неистово верещал, надрываясь, мобильник — старая дребезжащая коробочка с выплывшим на экране миниатюрным портретом подруги-однокурсницы.

— Вставай, страна огромная! Вставай! — весело зазвенел Викин голос где-то на другом конце злосчастной линии, стоило только нажать на «Ответить». Вот и нужно же было будить с утра пораньше!..

Отлипнув от смятой подушки, я сонной хлопала глазами, пытаясь прийти в себя. Но выдавить голосом с ходу получилось только интернациональное — и не очень, правда, эмоциональное — смутное «угу».

— Спишь все, вредина! Ты хоть знаешь, который сейчас час, а? — поспешил возвестить меня все тот же задорный голос на другом телефоне. (Где сейчас сам этот ураган в юбке, стоило только догадываться…)

Тоже мне, осчастливила! Я оглянулась: белесый утренний зимний свет, заливающий сквозь окно маленькую, уютную комнатку, казался выцветшим, еще не набравшим ни объем, ни форму. Вроде ведь совсем не поздно, но…

Поспешно глянула на часы (стрелки замерли где-то в районе половины одиннадцатого, и смутно помнилось, что случилось это еще вчера, поэтому об истинном времени оставалось только догадываться), а потом, чувствуя себя уж совсем непоправимой идиоткой — на настенный календарь. Тридцатое число — все в порядке. Вот только из последних воспоминаний в голове крутится только то, как четыре дня назад отправлялась гулять в центр с навязчивой целью осчастливить себя — а потом уже и близких — выбором подарков на Новый год. Кажется, задержалась допоздна, а, умаявшись, забурилась в ближайшее знакомое кафе (остатков стипендии как раз хватало, чтобы побаловать себя пирожным и кофе из «Старбакса»). Да и домой вроде вернулась без приключений. И последующие дни, хоть и были предпраздничнo взбалмошными, но не настолько же! Отчего

такая усталость?..

Хвост, бьющий о диван где-то в районе моего живота, правда отчетливо давал понять, что о нем забыть не удастся при любом раскладе моей психики: Джек (он же Джек-рассел, он же Джек-рассел терьер) выжидающе и требовательно глядел мне в лицо, втянув за собой на одеяло край поводка.

Ощущение не проходило, но какая-то ясность начинала проявляться. Половину воспоминаний как корова языком слизнула, будто стерло — в голове осталась только крутящаяся суета. Да, точно! — суета последних дней…

— У тебя что, после сессии совсем мозги заклинило, — беззлобно продолжала ругаться подруга в трубку, укоряя меня за обыкновенную забывчивость. Ну да, дело привычное. Особенно с учетом последних событий. Прям можно книгу сочинить — наподобие второй версии культового «Вспомнить все», если правильно подобрать слова. Нет, все-таки есть сны, забирающие память, из разряда тех, что после пробуждения дают в душе осадок оборванной недосказанности и легкую сумятицу мыслей, заставляющую собственные воспоминания представать в каком-то слишком неясном свете. Надеюсь, мои ко мне все-таки еще вернутся…

— Надеюсь, это когда-нибудь кончится. И лучше, если б в мою пользу, — я на короткое мгновение возвела глаза к крашеному светлому потолку, имея в виду, конечно же, ту самую учебу и экзамены, действительно выжавшие из меня за предыдущую неделю все соки. Но подруга, все то время, на которое я уплыла в свои размышления, верещавшая в трубку с той же хорошо задрапированной серьезными намерениями трескучей непринужденностью, восприняла мою реплику на другой счет:

— Да, кончится, если ты когда-нибудь возьмешь себя в руки. Заведи ежедневник, в конце концов, если того, что вчера было, уже вспомнить не можешь!.. — и тут же, не срываясь на заискивание, но перепрыгивая с темы, как лихой паркурщик между крышами гаражей: — Я чего звоню-то… Ты же поможешь мне с докладом, да? Как обещала? Ну, помнишь, тот, по культуре древних племен Северной Америки?

Что-то в моей голове при этих словах смутно откликалось, подсказывая, что напомненное незаурядной старостой группы — правда, и я согласно кивнула. И тут же запоздало опомнилась, понимая, как глупо это сейчас выглядело:

— Хорошо. Только ты мне на почту подробнее вышли тогда, что да как, лады?

— Ну вот, помнишь, значит, еще не все потеряно! —

торжествующе возвестила Вика на том конце провода; послышался сухой щелчок, как будто звонко стукнули по клавише клавиатуры. — Считай, я уже!

— Ага, — мои пальцы продолжали рассеянно теребить шерсть Джекового хвоста в то время, как сам пес начинал смотреть мне в глаза все более укоряюще (и даже намного более укоряюще, чем отчитывала меня сама Вика пару минут назад), поэтому я поспешила закончить разговор, пока та не успела придумать чего-нибудь еще:

— Я тебе потом тогда звякну, как просмотрю. Или при встрече уже… Ты же придешь ко мне праздновать на Новый год?

— Нет, мы с Тохой, — теперь в динамике слышалось отчетливое жевание чего-то бутербродного, что подстегнуло меня на поспешное гуляние с собакой и последовавшее бы за ним уже самостоятельное посещение холодильника (ощущение было, как будто не ела я пару суток точно). Но все же от секундного вопроса воздержаться я не смогла:

— С кем?

— Ну, с Антоном. С параллелки. Я тебе потом расскажу, — к уклончивости в голосе примешивалось что-то улыбчиво-хитрющее.

— Красивое имя… Ну, пока!..

…Странное имя, болезненно напоминавшее о чем-то, еще продолжало скрестись в подсознании, когда я с бегающим вприпрыжку вокруг псом выходила из промороженного, как всегда темного подъезда, и когда шли вдвоем до излюбленного мелкого скверика, затерявшегося в глубине домов, не забывая подметать брусчатку отпечатками ботинок и лап.

Снег не шел, и на улице стоял крепкий устойчивый «минус», что наверняка не помешало бы многим настойчивым гражданам с утроенным рвением доделывать оставшиеся перед наступлением нового года дела, и центр наверняка сейчас кипел. Но здесь, среди зажатых меж домовых стен одиноких закоулков, все было тихо и спокойно.

Наблюдая за тем, как спущенный с поводка терьер радостно носится между стволов кленов, наматывая круги под вихри рассыпающихся из-под лап снежинок, в душе я все еще чувствовала отстраненную двойственность происходящего. Словно это одновременно я — и не я сама вовсе — покачиваясь, стояла сейчас возле кованых тяжелых ворот, наслаждаясь тишиной, словно это кто-то другой смотрел сейчас на происходящее моими глазами и помнил вовсе не то, что было действительно. Я сама помнила что-то не так, неправильно.

…В кармане жалобно пискнул мобильник, возвещая о

полученном сообщении (все же решил не вредничать, и в конце концов подключиться к перегруженной перед праздниками сети). Машинально, все еще продолжая лавировать где-то на своей внутренней странной волне, я вытянула его наружу и автоматически ткнула пальцем в окошко просмотра: ясно, наконец, пришли Викины материалы по институтскому докладу.

Телефон старательно, байт за байтом, грузил полученное изображение и вдруг великодушно соизволил явить его на экран:

Странное… Не то оберег, не то амулет самодельного происхождения: гибкое кольцо из ивового прута, оплетенное не то паутинкой, не то мелкой сеткой с вкраплениями круглых деревянных бусин и перьев. Длинные нитки того же самого украшают странный символ с боков, колышась на несуществующем ветру.

Стилизация. Древностью тут и не пахнет, но… я была уверена в том, что знаю, как оно называется, хотя никогда не видела прежде.

Я даже была уверена в том, что знаю, зачем оно нужно. Я понимала это: с затаенным сердцем, с гулом собственного неверия в висках, с крепнущим каждую секунду ощущением РЕАЛЬНОСТИ всего, что было связано с ним.

…- Ты… вы кто?.. — несмелый вопрос, задать который следовало бы намного раньше, повис в прохладной подъездной тишине гулким эхо.

— Антон. Крайности, — хрипловатый, застуженный после морозного дыхания декабря голос, но, даже несмотря на это, настолько пронзительно мягкий и нежный, что хочется слушать до бесконечности. Что бы тот ни говорил.

— Это заметно… КТО вы такой?!

— Я Ловец Снов…

Глядя на разукрашенную картинку, я, наконец, вспоминала все, что со мной случилось. За все те прошедшие в нигде дни, за все воспоминания, канувшие в Лету.

Я вспомнила все. С самой первой встречи.

С первой секунды…

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
«Rebirthing»
Антон, четвертое января

…Мне снилось, что я умер.

Впрочем, я не мог ручаться, что мне это всего лишь снилось…

Я видел себя, но словно со стороны, словно я брожу по какому-то нескончаемому коридору, ища выход, а над моей головой темными перекатами клубится мрак, и сквозь эту темноту далеким слабым отсветом просачивается ощущение чьего-то ласкового взгляда. Словно свет, который затаился на самом дне голубоватых прозрачных зрачков. Затем свет превращается в ослепительное сияние. И я открываю глаза…

— …С днем рождения!.. — эти слова становятся первыми, которые я слышу после пробуждения. Серая просторная комната. Серые предметы и скопище серых углов, на которые натыкается взгляд. Над головой что-то противно пищит, отмеряя не то секунды, не то удары сердцебиения, по кроватному одеялу, аппаратуре, кафельной белой плитке, окружающей все по сторонам, струится серый утренний стылый свет из не зашторенных квадратных окон. Как давно я не видел утреннего света…

— Доброго утра… Как ты себя чувствуешь? — с правой стороны от кровати слышится деликатное покашливание. Они все здесь: Герда, Лунный, Ди…

— Где Дина?.. — мне кажется, что мой голос громкий, пронзительный, почти оглушительный, хотя в действительности похож больше на шепот. Я не слышу себя — только то, как заходится учащенным писком темный экран над головой, и лишь потом — фразы, повторяющиеся мне, когда я гляжу на нее недоумевающе.

— Она скоро придет, Антон. Обещаю, — Герда наклоняется ко мне, скрипя ножками больничного стула по такому же больничному серому стерильному полу, слабо прикасаясь пальцами к моей руке, и смотрит мягко, ласково, почти сочувствующе, как она умела. Но это не та ласка и не та нежность, что вытащили меня из тьмы, и мне кажется, она это понимает.

На ней — серый наброшенный сверху плеч халат и под ним — красная водолазка со стоячим воротником до горла, и это ярко-алое пятно здесь самое кричаще-выделяющееся из всего, что

окружает меня, а мне почему-то больно на него смотреть. Как и на саму Герду тоже, и я не замечаю ее расстроенных глаз, вспоминая, почему-то с горечью, что с ее именем было связано что-то важное. И тревожное.

Только не могу вспомнить, что.

— Дина теперь прежняя. Она вернулась. Назад. Первая из всех, кого я знал, — я перевожу взгляд, слыша знакомый, твердый голос, привыкший отдавать приказы. Но теперь слышу в интонациях Эдмунда Александровича только какие-то странные своей не свойственностью растерянность и непонимание.

— А я сам?

— Ты умер. И переродился. В своем теле. Редчайший случай. Врачи называют это клинической смертью, но кому, как ни нам, лучше знать. А девушка получила всю твою жизненную силу взамен утраченной своей. И этого хватило…

Совиные глаза на продолговатом подтянутом лице начальника пытаются сохранять спокойную серьезность и многозначительность, но в какой-то момент это у него больше не выходит. Он, в своем привычном сером костюме, за который не цепляются мои воспаленные глаза, и той же выцветшей робе для посетителей, и с его именем связано — несомненно, связано — гораздо больше неприятного, но в его глаза я смотрю, пытаясь найти в их отражении еще какие-то ответы, но не вижу больше решительно ничего, пока он не начинает говорить сам:

— Вы, ребята, перевернули тут все вверх дном!.. Так что теперь можете даже не надеяться на то, что мы оставим вас двоих в покое!.. — теперь глаза Лунного лучисто улыбаются. Впервые за все время, которое я его знаю, и мне хочется найти в этой улыбке натянутость или оскал, но опять не выходит — он всегда был умнее и свои чувства научился скрывать гораздо лучше, чем мне бы хотелось.

Увлекшись новым радостным перевоплощением, Эдмунд Александрович хлопает меня по плечу, и я вздрагиваю, впервые чувствуя боль, дремавшую все это время в моем теле. И ощутимо вздрагиваю от пронзительной вспышки в боку. Наверное, останется большой шрам…

— Так что будем на связи, Крайности!

Герда с укором стреляет в начальника своими черными льдистыми глазами Снежной Королевы, не ощущая, по-видимому, перед ним ни смущения, ни почтения, потом нежно и уже уверенно берет меня за руку, сцепляя пальцы. Я до последнего момента боюсь смотреть ей в глаза, но взглянув, не вижу в них ни обиды, ни горечи, ни злости — лишь ласковую теплую радость, что я жив и затаившуюся на дне вину, которую чувствую, как и ее

ладонь, обнимающую мою.

Да, наверно, мои дела в этом мире еще не закончены…

В чуть приоткрытую дверь неожиданно просовывается незнакомая вихрастая голова какого-то молодого парня в коричневом свитере и темных брюках. Обводит взглядом присутствующих, дольше всех останавливаясь на мне и Герде, и спрашивает, уже только у нее:

— Ты скоро? Есть срочное дело.

Я не знаю этого парня, только догадываюсь, что он из того же Отдела Информативности, а он, похоже, знает меня, потому что кидает на прощание подбадривающее «Выздоравливай, Антох», прежде чем снова исчезнуть. Он приволок с собой стандартную, положенную мне по статусу, сетку мандаринов, которую и передает Герде, а она кладет на край кровати, снова начав как-то смущенно суетиться, пытаясь накинуть на плече перекрутившийся ремешок лакированной сумочки, одновременно подхватывая за ворот упрямо сползающий халат. И снова смотрит на меня слегка виновато — кажется, этот взгляд прилипнет ко мне еще надолго. А я подбадривающе киваю ей, говоря «Все нормально». И только после этого лицо Герды наконец обретает расслабленные черты, и она кивает мне на прощание, делая шаг к двери, где ее ждут, разбивая тишину палаты звоном своих замшевых сапог.

Любительница больших каблуков…

Я провожаю ее взглядом до самого выхода, следя за движениями вплоть до того момента, как захлопывается старая пластиковая дверь с непрозрачным окошком сверху, и снова оборачиваюсь к оставшемуся недвижимым Лунному, на этот раз ожидая — действительно ожидая — услышать все ответы.

— Как?.. Как такое возможно? — мой негромкий голос даже мне самому кажется страшным. Но еще в большей степени — растерянным.

Эдмунд Александрович пожимает плечами. Коротким, отрывистым, словно переброшенным через собственные раздумья движением, пододвигается вместе со стулом ближе ко мне.

— Понимаешь, Антон… есть смерти из разряда тех, которые не должны были произойти. Но случились — по вине ли обстоятельств, времени, собранных ли вместе нелепых случайностей. Такие смерти можно было бы предотвратить.

Другой вопрос, что сделать это именно ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ усилиями становится уже невозможно, потому что данность события разрастается в прошлое. Уходит в него.

— Тогда я не понимаю… Как?..

— Энергия, Антон. Энергия. Она единственное в этом мире, что не зависит ни от пространства, ни от времени. Она

обособленна и автономна. Она может все, она у нас в голове — в наших стремлениях, надеждах, желаниях. Ты когда-нибудь слышал о том, что наша мысль может стать материальна?..

— И все равно — я не понимаю. Отчего тогда никто не знает этого способа? — я пропуская вопрос Лунного мимо ушей, потому что действительно — не понимаю.

Он упреждающе качает головой, глядя мне в глаза с каким-то уловимым отблеском сочувствия:

— Цена такого возврата — жизнь за жизнь, Антон. Умирая сам, ты можешь передать всю свою энергию, все непрожитые годы кому-то другому. Как думаешь, многие ли люди в этом мире действительно способны отдать свою жизнь за любимого человека?..

Я молчу. Возможно, слишком долго, почти целую вечность, но что-то в его голосе заставляет меня задать этот вопрос:

— ВЫ бы отдали?

— Легко рассуждать об этом живым, не так ли?.. — Псовский отвечает сразу, парируя мой ответ, но теперь это «что-то» в его голосе заставляет меня по-настоящему задуматься, упустив проскользнувшую в прозвучавших словах горечь.

Я вспоминаю ее, Вику. Мою Вику, мою далеко не первую любовь, оказавшуюся настоящей. И ее глаза. До — и после той смертельной необратимой черты, перешагнуть через которую ее принудили эти нелепые «обстоятельства».

Когда какой-то обкурившийся подросток-наркоман пырнул ее ножом в темном подъезде ради пары сотен рублей, чтобы купить на них выпивки.

Обо всем этом я узнал уже гораздо позже. Гораздо позже — возвратившись несколько дней спустя из другого города, куда уезжал к родителям, после встречи с ней самой в том тенистом весеннем переулке, после всех уже выяснений, но самое главное, что я понял тогда, — меня НЕ БЫЛО с ней рядом в тот момент. Не было рядом того, кто мог защитить.

А она ждала.

Она так меня ждала…

«…Думай об этом не так, словно спасаешь себя, а как о поступках, которые ты совершаешь в части общего дела, чтобы спасти других. Предотвратить то, что произошло с тобой самим, понимаешь?..»

…Я не понимал. Но голос, терпеливо вещавший откуда-то свыше, над головой, был настойчив. Спокоен и уверен в себе, так, как бывают уверены только те, кто в полную меру познал на себе смысл своего знания. Он заставлял меня поверить, что все сказанное им — правда. Заставлял меня тем, что сам был горд

собственными словами.

И я поверил. Свято, слепо и безоглядно. Поверил не потому, что сильно хотел этого, а потому, что перед глазами стояла туманно-мутная пелена. И неотрывный, подмигивающий нахально и весело искристо-улыбчивый взгляд знакомых зеленых глаз.

И то, во что он в конечной степени превратился.

После окончательной смерти Вики мне дали три дня, чтобы подумать.

И я думал все эти дни, не переставая.

А потом явился в Штаб…

— …Дина Кукушина теперь связана с нами. Со всем Отделом теперь — тоже, — Эдмунд Александрович неожиданно снова подает голос, и на этот раз я слышу в нем лишь спокойную, прохладную и привычную сонную сдержанность. Только теперь подозреваю — это вранье.

— В смысле?

— А она не рассказывала тебе, что случилось? Что она ВИДЕЛА в тот вечер прежде, чем попасть под машину?.. — в его голосе звучит пауза и какое-то легкое, но вполне ожидаемое удивление моей неосведомленность.

«Есть люди, способные видеть вокруг себя нечто большее, чем просто тот слой реальности, что маячит перед носом. В этом и главная суть отбора сотрудников в любые Отделы…» — слова из забытого под железной ступенькой конспекта всплывают перед глазами словно сами собой, перефразированные в какую-то разговорную интерпретацию. А, может, кто-то просто хочет, чтобы они всплыли…

— Нет…

— Тогда сам и спросишь, — спокойная интонация, которую, кажется, невозможно вывести из себя.

— Где она?

— Ждет в коридоре. Кажется, отошла переговорить с твоим лечащим врачом, но скоро должна вернуться. Я передам, что ты ждешь ее…

— Хорошо, — первая его человеческая эмоция за все время, что я знаю начальника. В Отделе поговаривают, он тоже когда-то был Ловцом, причем своего рода гениальным, но что-то случилось после — что-то, что навсегда изменило отношение Псовского, что к окружающим, что — к сути собственного дела. Но никто не знает, что же произошло.

…Лунный встает, намереваясь уйти, но останавливается на половине пути до двери, что-то вспомнив.

— Передавай привет своей Дине, — он произносит это своим,

привычно спокойным, привыкшим ко всему голосу, и мне почему-то сразу становится не по себе, хотя я не знаю, из-за чего. — Повторюсь, мы с ней переговорили накануне, выяснили все подробности ее истории и кое-что по поводу ее выяснившихся способностей…

— Но вы же понимаете, что я этого просто так не оставлю?

— Понимаю, — произносит Лунный, снова абсолютно спокойно, ни разу не дрогнув.

Эдмунд Александрович возвращается к кровати, доставая на ходу что-то из внутреннего кармана пиджака.

— Вот, чуть не забыл. Подаришь… Считай, что приглашение… и моральная компенсация…

Он вертит у меня перед глазами какой-то плоской квадратной коробочкой, другой рукой отодвигает ящик низкой и серой прикроватной тумбочки и сует подарок туда. — Не забудь. И не смей открывать раньше.

В голосе начальника я чую какую-то дрожь, желающую обратить серьезное в шутку, как будто даже после всего произошедшего от чувствует себя неудобно рядом со мной. И согласно киваю, все еще не отрывая взгляда от его рук с крупными, испещрившими кожу изнутри зеленоватыми венами. Мне кажется, что он устал.

— Бывай, — Лунный делает шаг к двери, еще на мгновение задержавшись, чтобы взглянуть мне в глаза — я знаю этот жест, у нас в Отделе им принято обозначать доверие к человеку, — и уходит, наконец, оставляя меня одного. Меня — и свет.

И только теперь, очутившись с ним наедине, я понимаю, что утро за окном вовсе не серое, а похоже на яркий свет серебристых елочных огней, заливший улицу. И смотрю на потолок — чистый, выбеленный, гладкий.

«И Смерть свою утратит власть», — произношу я одними губами, закрывая глаза.

Сияние, льющееся из большого окна, затопляет веки изнутри, подсвечивая светлым и неподвижно-монотонным, но живым, и я чувствую, явственно ощущаю, что расслабленно растворяюсь в нем, когда внезапно слышу, как негромко хлопнула дверь. И мгновенно распахиваю глаза, уже зная, кого увижу.

…В ее глазах я не замечаю переживаний последней запомнившейся мне ночи, в то время как во мне они продолжают бушевать, словно произошедшие только что, и этот диссонанс заставляет вновь усомниться в реальности. Во всей этой сумбурности.

Но она все равно здесь.

Дина робко стоит у входа, смотря на меня знакомыми,

лучистыми, светлыми глазами — вся такая маленькая, стеснительная и нежная, утонувшая в голубом безразмерном халате, который явно надевала наспех, на бегу. И больше всего на свете сейчас я хочу сказать, как сильно рад ее видеть здесь такой, живой, реальной. Но вместо этого горло перехватывает, и я только завороженно улыбаюсь ей навстречу.

По ее ответной улыбке я понимаю, что она и так все видит…

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
«Stars»
Антон

Все последующие дни мы проведем вместе. Она не будет отходить от меня ни на шаг, словно боясь еще раз потерять так, как еще недавно боялся потерять ее я. В наших отношениях не будет ни стадии кокетства, ни флирта. И если еще до этого, когда Дина была Сном, я считал, что мы похожи, то пойму, что мы родственные души, уже к началу следующего дня, проведя вдвоем бессонную — и прекрасную во всех отношениях — ночь разговоров один на один, в желтом свете настольной лампы.

Меня не будет напрягать то, что праздник придется встречать вдвоем в больнице. Это «вдвоем» станет для меня успокоением, по сравнению с которым все остальное обратится ничем. Так же, как и не будут напрягать постоянные осмотры, процедуры и грозящий продолжительностью «реабилитационный срок».

На Рождество она поцелует — уже не впервые — меня в заросшую колючую щеку и вручит в подарок шерстяной красный шарф собственного рукоделия, связанный здесь же, при мне, в больнице. А я, на какое-то мгновение смутившись, все же вспомню об оставленном шефом так и не распакованном «подарке», о котором все эти дни даже не думал.

Внутри маленькой коробочки, на синем бархате, рядом со стандартизированным шаблонным поздравлением, будут лежать золотые сережки с каплями блестящих прозрачных камней в каждой, и амулет «Ловец Снов» — подпольная символика нашей организации, давшая свое название.

В какой-то момент я вновь, впервые за последние несколько дней, проведенные вместе, почувствую испуг, но Дина лишь коротко и подбадривающе улыбнется, беря свой накопитель в руки.

Она поймет уже, что это не просто игрушка…